

Антуан
ФАБР Д'ОЛИВЕ

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА
ИЛИ ЧЕЛОВЕКА

Антуан д'Оливе

**Философическая история
Человеческого рода или
Человека, рассмотренная в
социальном состоянии в своих
политических и религиозных
взаимоотношениях, во все
эпохи и у разных народов земли**

«Алетейя»

1824

УДК 1(091)
ББК 87.3(4Фра)

д'Оливе А. Ф.

Философическая история Человеческого рода или Человека, рассмотренная в социальном состоянии в своих политических и религиозных взаимоотношениях, во все эпохи и у разных народов земли / А. Ф. д'Оливе — «Алетейя», 1824

ISBN 978-5-906980-77-9

«Философическая история Человеческого рода» – одно из главных произведений Антуана Фабра д'Оливе. В нем автор, пожалуй, одним из первых в Европе, говоря о космогонии, высказывает гипотезу полигенизма – происхождения человеческих рас из разных источников. Вместе с тем, согласно Фабру д'Оливе все люди на земле подчинены одному закону диалектической диады – свободы и необходимости, а на высшем уровне – Провидения и Судьбы. В мировоззренческой концепции выдающего французского эрудита, мистика и эзотерика, обладавшего сверхъестественными способностями и даром чудотворения, органично сочетаются идеи раннего арийского индуизма (Рамы-Диониса), пифагорейства, классической античности, митраизма и интегрального римского католицизма. Будущее Европы Фабр д'Оливе видит, как и его современник граф Жозеф де Местр, в универсальной теократии во главе с Римским Папой, что делает обоих французских мыслителей идейными предшественниками великого русского религиозного философа Владимира Соловьева. Сильное влияние эзотерическое историософское наследие Антуана Фабра д'Оливе оказало также на отца Павла Флоренского. На русском языке «Философическая история Человеческого рода» Антуана Фабра д'Оливе публикуется впервые. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)
ББК 87.3(4Фра)

ISBN 978-5-906980-77-9

© д'Оливе А. Ф., 1824

© Алтейя, 1824

Содержание

Биографическая заметка Седира	7
Комментарии	14
Владимир Ткаченко-Гильдебрандт	15
Провансальское происхождение и судьба творческого наследия	15
Фабр д'Оливе и русская философия, первый перевод на русский язык	18
Фабр д'Оливе и тайные общества	21
Всеединство, Синархия и Теократия	23
Фабр д'Оливе и тайна Папства	25
Комментарии	27
Том первый	28
Вводная диссертация	29
Параграф I	29
Параграф II	34
Параграф III	37
Параграф IV	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антуан Фабр д'Оливе
Философическая история Человеческого
рода или Человека, рассмотренная
в социальном состоянии в своих
политических и религиозных
взаимоотношениях, во все
эпохи и у разных народов земли.
Предваренная вводной диссертацией
о мотивах и предмете данного труда

Посвящается 250-летию со дня рождения фабра д'Оливе

Его родители, будучи содержателями постоянного двора Трех Королей, определили Антуана по коммерческой части, направив его с этой целью в Париж около 1780 года. Там у него обнаружился вкус к литературе и музыке. Знаменитый доктор Сиго (Dr Sigault), с которым он общался, заметил его пытливый ум и руководил его достаточно полными занятиями по медицине.

Уже в годы отрочества он сделался известным в салонах, где он появлялся, благодаря своему сочинительству стихотворных пьес, приуроченных к случаю, одно из которых имело столь большой успех, что стало приписываться Фабру д'Эглянтину (Fabre d'Eglantine). Дабы избежать подобной досадной путаницы наш юный поэт попросил и получил законное право прибавить к своей фамилии фамилию своей матери, род которой пресекался.

Вот те из этих пьес, которые были исполнены в Товарищеском театре: *Гений Нации или живописные моралисты* (1787 год), героико-комическая пьеса (2), *Амфигури (Amphigouri)* (1790) и *Зеркало Истины* (1791).

В 1790 году имела некоторый резонанс его оставшаяся в рукописи ода на назначение депутата от Нима Рабо Сент-Этьенна (Rabaud Saint-Etienne) в президиум Национальной Ассамблеи.

Между тем, во время, когда он, отказавшись от коммерции, решил жить исключительно трудом своего пера, Революция разоряет его отца, о чем он сообщает в рукописи из нескольких страниц, озаглавленной *Мои воспоминания*. Несомненно, именно в это время, чтобы избежать банкротства, он отправляется в Германию и, собираясь добиться определенных отсрочек от родительских кредиторов, он принимает свое пифагорейское посвящение (*Сент-Ив: Истинная Франция, Pro Domo*), глубокий отпечаток которого отразится на всех его будущих произведениях.

После того, как ему удалось спасти некоторые остатки фамильного достояния, позволившие его родителям и младшим сестрам скромно удалиться в Сент-Ипполит-дю-Гар (Saint-Ippolyte-du-Gard), Фабр д'Оливе возвращается в Париж и самозабвенно погружается в филологические и философические исследования, несмотря на грозный порыв революционной бури. Он отвлекается только лишь для того, чтобы поддержать ход более, чем скромной жизни несколькими произведениями для текущей литературы. Под псевдонимом Госпожа де В. (Mme de V.) он пишет стихи для журнала, который называется *Незримое (Invisible)*, прозу для двухнедельной коллекции, имевший большой успех сборник общественных игр и, наконец, первое анонимное издание Азалаиса (d'Azalais).

Его брат находился на воинской службе; он должен был погибнуть в несчастной экспедиции из Сэн-Доминго. Он сам, наконец, благодаря покровительству Бернадотта, с которым познакомился после 1789 года, смог поступить на службу в Военное министерство в бюро одаренного персонала с жалованием от 3000 франков, но ложные доносы привели к ненависти Наполеона, и только благодаря протекции графа Ленуара де Ля Роша (Comte Lenoir de La Roche), он был вычеркнут из списка двух сотен ссыльных, направлявшихся погибать на африканское побережье. Кажется, он оставил эту службу в 1802 году, чтобы поступить в Министерство внутренних дел, которое он покинул очень быстро; его пенсия была упразднена герцогом де Фельтром; двенадцать лет пребывая в отставке, он упорно работал. Именно в это время он завязал отношения с Валентэном Ауи (Valentin Haüy), который оказал Фабру д'Оливе помощь в фактических деталях его начинаний. Фабр д'Оливе пишет и издает тогда много романсов для квартета из двух флейт, фортепьяно и баса (вокала), посвященных Игн. Плейель (Ign. Pleyel). Он думал о том, что сможет восстановить музыкальную систему Греков, для чего сочинял композиции третьим ладом, называющимся эллинским, гармоническая пропорция которого существенно отличается. Этим ладом он составил Ораторию на коронавание Наполеона и исполненную в 1804 году в Храме реформатской религии ведущими оперными певцами. На ней присутствовали более тысячи зрителей и о ней отзывались с большой похвалой. Именно этому

открытию посвящено его небольшое произведение о Музыке; однако, утверждалось, что этот новый лад не что иное, как третий лад Блэнвилля (1757 год), превозносимый Ж.-Ж. Руссо, и очень близкий нашему старому плагальному ладу, существующему в церковном пении.

В 1804 году, после поездки в Ним и Сент-Ипполит-дю-Фор (Saint-Hippolyte-du-Fort), он публикует *Трибадура*, посвященного своей матери.

Следуя сюжету произведения, его обвиняли в чрезмерном подражании Мак-Ферсону и в том, что он по своему разумению заполнил имевшиеся в оригинале лакуны.

В 1805 году он женится на девице А. Варэн (Mlle Warin), происходившей из семейства, жившего в окрестностях Ажена (город на юге Франции, расположенный на реке Гаронне; через него идет дорога от Тулузы на Бордо – прим. пер.), образованной, самой являющейся автором достойных сочинений (3). В тишине он создает с ней семью, в которой практиковались наиболее совершенные добродетели. В этом безвестном убежище он пополняет свою приводящую в замешательство эрудицию. Вместе с Эли-усом Боктором, переводчиком с арабского, служившим Первым консулом в Египте, и тем, кого тот с собой привез во Францию, он изучает все семитические языки и диалекты, – индус из касты ему преподает арийские языки, но силой одного своего дара Фабр д'Оливе проникает в тайну китайских иероглифов. В то же самое время под руководством неизвестных – возможно, этих двух людей с Востока – он упражняется в управлении оккультными силами. Разве не видели его друзья, как часто он мог, используя одну свою магнетическую силу, заставить прилететь из своей библиотеки на свой рабочий стол книгу, к которой он хотел обратиться за советом? Разве не мог он, когда этого желал, побеседовать с покойным автором, чтобы попытаться проникнуть в его мысль? Не вызывал ли он у своей жены самые редкие феномены сомнамбулизма?

Именно в течение этих десяти лет уединенных занятий он написал свои Золотые стихи, опубликованные только в 1813 году с их посвящением литературной секции Института.

Именно в это время, как прежний добродетель слепых, используя неведомый прием, который желали найти в толковании определенных иероглифов, он успешно исцелил юного глухонемого швейцарца по имени Рудольф Гривель и несколько других. Мать этого молодого человека была классной надзирательницей в пансионе для девиц, которым руководила госпожа Фабр д'Оливе вплоть до 1815 года. К тому моменту был уже подготовлен *Древнееврейский язык*, но господин де Монталиве (M. de Montalivet) предложил лишь публикацию 1-го тома, бросив вызов автору доказать свои утверждения. Отвечая на сей вызов Фабр д'Оливе исцеляет юного швейцарского воспитанника аббата Сика-ра (Sicard) (смотрите *Французскую газету и Парижский дневник* от 3 марта 1811 года – *Gazette de France et Journal de Paris, du 3 mars 1811*). Но власть, настроенная против него из-за неуместного письма студента Ломбара, скоро запрещает проводить Фабру д'Оливе свои лечебные курсы, ведь он не обладал медицинским дипломом, что угрожало ему даже тюрьмой в случае их повторения. Сделавшись мишенью всякого рода полицейских нападков, после того, как бесплатно совершил добрые деяния,

Фабр д'Оливе рассылал свои протесты от низших в высшие инстанции и дошел до вершины административной лестницы, получив аудиенцию у Императора.

Говорят, что во время этой встречи он осмелился себя вести перед завоевателем, как посвященный носитель таинственных посланий и предостережений; говорят, что он предложил Наполеону создание европейской империи, в которой тот будет духовным главой. Досадный исход этого собеседования вновь водворил нашего автора в безвестность.

Впрочем, перед тем он отразил в стихах и музыке славу Императора. Стихи помещены под портретом Наполеона знаменитым художником-миниатюристом Огюстеном, а в Академию Надписей отправлен дистих для группы Коринфских коней:

*Минувшего верные дети, грядущему вы передайте
О нынешнем чуде бессмертное воспоминание.*

Несмотря ни на что, он продолжил создание своего великого этимологического труда, *Древнееврейского языка*, который он завершил и выпустил в свет в Национальной типографии в 1815 году, благодаря вмешательству Лазара Карно (Lazare Carnot), отца сен-симонистов; это колоссальное произведение 26 марта 1825 года удостоилось Указателя. Тогда же он сочинил Каина и аболиционистский роман против рабовладения, озаглавленный *Изамор (Izamore)* или *Африканский принц*, который никогда не был опубликован.

Желая составить грамматику и словарь языка Ок, он дважды побывал в Севеннах и в родном городе в 1816 и 1817 гг., имея на руках рекомендательные письма от Министерства внутренних дел. Во время этой поездки он вылечил семерых глухонемых людей, двое из которых вновь впали в свой недуг по причине своей неосторожности.

В это время семейные неурядицы тревожили жизнь Фабра д'Оливе; его культ уже претворялся в жизнь, великие идеи *Философической истории человеческого рода*, которые он вырабатывал в других более эзотерических исследованиях, подвигли его пользоваться своей женой, как пифониссой и ясновидящей, подобной древним жрицам Мистерий, перед которыми он благоговел. Говорят, его жена покинула свой дом по церковным наущениям, и наш одинокий пифагореец должен был давать уроки, чтобы выжить.

Но вскоре он снова встретил одну из своих старых учениц музыки госпожу Фор (Mme Faure), урожденную Виржини Дидье (Virginie Didier) из Памье. Именно ей, спустя несколько лет, он посвятил свои Воспитательные советы и, наконец, последнее и самое главное из своих произведений *Философическую историю человеческого рода*, увидевшую свет в 1822 году.

Будет неверно говорить о том, что Фабр д'Оливе желал создать религию, но он основал для себя самого и для своих редких учеников политеистический культ. Двадцать лет назад протестантская библиотека на улице Святых Отцов располагала некоторыми рукописными гимнами этого культа. Впрочем, Фабр д'Оливе был свидетелем возникновения культа Теофилаントпов, коим руководил его друг Валентэн Ауди вместе с Ларевейером-Лепо (Lareveillere-Lereaux) и Ж.-Б. Шемен (J.-B. Chemin). Эта религия, менее замысловатая, нежели культ Фабра д'Оливе, еще и сегодня имеет своих адептов в Париже.

Господин Тидианёк (M. Tidianeuc) нашел в библиотеке Лаона два письма Фабра д'Оливе, датированные 1824 годом (смотрите издание *Посвящение*, март 1900 года), которые, хотя и не представляют большого интереса, но показывают, какое возвышенное сознание теософ черпал в своем достоинстве и как высоко он ценил основательность своей системы.

Он умер 25 марта 1825 года. Издание *Конституционнель (Constitutionnel)* посвятило ему приличный некролог, хваля его знание, его архаическую бескорыстность и строгость его жизни, полностью ограниченной узким кругом близких друзей. Фабр д'Оливе после себя оставил сына, 14 лет, и двух дочерей, 7 и 18 лет. Последняя погибла в пожаре десять лет назад, уничтожившем в то же самое время большое количество нот, портретов и рукописей, среди которых перевод Сефера в его сущностном смысле и опера Корнелия и Цезарь.

Пьер Леру (Pierre Leroux), а за ним и другие говорили, что Фабр д'Оливе умер у подножия своего алтаря. Но исходя из того, что Сент-Ив д'Альвейдр рассказал Станиславу де Гуайта, представляется, что ближе к истине следующие строки из Фабра дез Эссара (Fabre des Essarts) (4):

«Было видно, как эти великие души, объятые жертвенным исступлением убивали себя пред своим идолом. Непреодолимая жажда Беспредельного, более сильная, нежели отвращение к жизни, могла завершаться подобными самоубийствами. Не является ли Фабр д'Оливе одной из таких трагических жертв? Этот кинжал, это пронзенное сердце, этот старик, распростершийся в глубине темного святилища, – все эти сумрачные вещи, которые мы наблюдали однажды, но не сумеем сказать где, – может, это только видение?»

* * *

Нам известны только три портрета Фабра д'Оливе: миниатюра Огюстена, помещенная в начале *Мудреца из Индостана*; бюст скульптора Каллемара (Callemard) (1776–1811), который представляет Фабра д'Оливе в возрасте двадцати пяти лет и воспроизведенный в издании Музыка; а также портрет, находящийся в мэрии Ганжа. Кроме того, изображение, данное здесь нами, принадлежало Мадмуазель Фабр д'Оливе.

* * *

Расценивать Фабра д'Оливе – труд неблагодарный. На этот счет отличился своей возмутительной пристрастностью *Словарь* Буийе (Bouillet); хроникер из издания Солнце (16 июля 1888 года), хотя и менее несправедлив, когда считает Фабра д'Оливе «предшественником романтизма и Балланша», но ошибочно видит в нем мистика, апокалиптика, подражателя Байрону и сторонника королевской демократии (!). Два наиболее авторитетных критика Фабра д'Оливе – это Папиус со своей уже ставшей крайне редкой брошюрой *Фабр д'Оливе и Сент-Ив д'Альвейдр* (Париж, 1888 год) и сам Сент-Ив в *Истинной Франции* (Pro Domo). Помимо того, Ф. Буаске (F. Voisquet) опубликовал в 1825 году три слепленных на скорую руку критических статьи о Социальном состоянии человека, а в 1894 году покойный господин Мартэн (M. Martin) организовал конференцию в Ганже, посвященную их славному земляку. Его сын господин Л. Мартэн согласился передать нам стенограмму этого мероприятия; здесь мы выражаем ему всяческую признательность. В родном Провансе Фабра д'Оливе почитают, как одного из лучших предшественников движения Фелибрижа (5).

Сент-Ив рассказывает, как он познакомился в Джерси с бабушкой своего друга Адольфа Пеллепора (Adolphe Pelleport), поэта, умершего в изгнании в 1856 году. Эту почтенную особу звали Виржини Фор. Она была подругой Фабра д'Оливе в его последние годы. Она передала Сент-Иву произведения великого посвященного.

«Я их читал громким голосом, – говорил Сент-Ив, – под шум Океана, взволнованного ветрами. Вечер завершился слишком быстро, и я торопил время, чтобы увидеть ее на завтрашний день, чтобы еще читать, чтобы постоянно слушать о тайной истории этого великого человека, его исследовании мистерий, об установленном им политеистическом культе, о его странной смерти и сожженных из-за нетерпимой ненависти рукописях, о его последних обетах».

Обращаясь к Пеллутье (Pelloutier), Куру де Жебелену (Court de Gebelin), Бэйи (Bailly), Дюпюи (Dupuis), Буланже (Boulanger), д'Эрбело (d'Herbelot), Анкетиллю-Дюперрону (Anquetil-Duperron), экзегетам, философам, Вильяму Джонсу (William Jones) и его коллегам из Калькутты, Отцам Церкви, алхимикам, Бёме, Сведенборгу, Сен-Мартену и многим другим оккультистам, Фабр д'Оливе излагает их и дает им теософское заключение, ни христианское, ни позитивистское, но в чистом виде пифагорейское и политеистическое.

Установив основания своей морали и правила лингвистики, как своего исследовательского средства, Фабр д'Оливе подходит «после этого синтеза или, скорее, метафизической и политеистической универсальности, полной знания о бесконечном, но лишенной знания абсолютного, к применению своего средства во всемирной истории. Из чего и проистекают два тома под названием *Философическая история человеческого рода*.

«Благодаря своей привычной, но великолепной методе, автор на сей раз начинает восстанавливать положение принципов в онтологии и антропологии, из чего он выводит метафизическую анатомию индивидуального человека столь же замысловатую, сколь и правдоподобную».

«Последовательная гамма инстинктов, страстей, свойств устанавливается затем двойным способом в двух первоначальных полах и развивается через всю историю, начиная с дикого состояния и до варварства, от первобытных цивилизаций и до цивилизации нашего времени».

«Это заданная антропологическая величина ионической школы вплоть до Лукреция, следующей трансцендентальному методу во всей своей исторической и в совершенстве изложенной истине».

«Более того, эта сущностная величина подчинена догматически спиритуализмом, который никогда не противоречит самому себе».

«Отсюда происходит рациональный мистицизм в том смысле, что всегда он логически обосновывается и доказывается».

«Универсальность времен добросовестно проверена сравнением всех хронологий. Она развивается и устанавливается в точности с фактами. К сожалению, чувствуется, что автор слишком поглощен этими предварительными исследованиями и их применением, которое он не хочет делать своей непосредственной темой».

«В его книге факты не берутся во внимание, поскольку признаки озвучивает, благодаря им самим, нечто определенное. Факты пребывают там, как случайный мотив, но не как опыт, откуда должно возникнуть наблюдение. Устремившийся к абстракции автор видит лишь ее, абсолютно теряет землю под ногами и, оставив все реальности, удаляется от нее».

«Его мысли об этом никак не являются ни сильными, ни прекрасными, хотя они всегда метафизичны и холодны».

«Слишком метафизик, чтобы быть физиологом, Фабр д'Оливе абстрагирует дух от жизни, когда, наоборот, великое таинство Слова во всех возможных категориях наук и искусств есть их единение».

«Исторический взгляд автора является панорамным и соседствует с философским речитативом. И один и другой не представляются столь хорошими и полезными, но лишь бы они вели исследователя к совсем иным итогам, нежели нашего писателя и гида».

«Из воззрений Фабра д'Оливе получается, что Человеческое общество целиком есть первичный безжизненный материал, не обладающий собственным законом. А priori об обществе сказали, что оно обложено податью и барщиной; а posteriori о нем говорили, исходя из так называемых теократических, республиканских и самодержавных правлений».

«Нет ничего менее точного, если, наоборот, рассматривают Общество, как коллективное существо, имеющее свой собственный физиологический закон, как таковой, каковыми бы не являлись его политические правления».

«В данном случае правительственный гений, будь он теократическим, республиканским или самодержавным, ничего в себе не заключает, не только происходя из абстрактной фантазии а priori, но и из чистой и простой констатации самого закона общественного действия».

«Предпочтение Фабра д'Оливе, конечно, за теократией; но он ее видит исключительно правительственной, политической и, странная вещь, этот возвышенный язычник и уж явно не христианин приходит, несомненно, к тому же, к чему пришел сам Жозеф де Мэстр – к деспотическому клерикализму. Более того, его восхваление кастового уклада в конце Золотых стихов не оставляет никакого возможного сомнения о выводах его исторического труда, благо он делает для себя оговорку, что не желает предавать огласке эти выводы, что, с его стороны, было мудро и предусмотрительно».

Мы посчитали себя обязанными дать, вместо нашего взгляда на Фабра д'Оливе, мнение о нем Сент-Ива д'Альвейдра, которое показалось нам более компетентным и пространным. В действительности, если Пьер Леру и Балланш и были вдохновлены теософом из Ганжа, они все равно не смогли ни возвыситься над его точкой интеллектуального созерцания, ни подняться до ее высоты. Среди оккультистов только один Сент-Ив смог и сумел определить его подлинное

место в Нашем Господе Иисусе Христе, в чем, по нашему убеждению, состоит непогрешимый критерий для всех категорий исследований.

Комментарии

- (1) А. Соquerel. – *Les forcats pour la foi* (А. Кокерель. *Каторжники за веру*).
- (2) *Вновь поставлена в Одеоне 14 июля 1896 года.*
- (3) *Мартэн говорит, что Советы моей подруге принадлежат ей.*
- (4) *Les Hierophantes – Paris, 1905, in-8 (Иерофанты. Париж, 1905).*
- (5) Фелибриж – движение за возрождение провансальской литературы; фелибр – провансальский поэт или писатель (прим. пер.); Donadieu, de Bezier: *Les precurseurs des Felibres* (Донадьё из Безье. *Предшественники фелибров*).

Владимир Ткаченко-Гильдебрандт **Антуан Фабр д'Оливе. Пролог философии всеединства** **Некоторые мысли переводчика, дополняющие** **Биографическую заметку Седира о Фабре д'Оливе**

Провансальское происхождение **и судьба творческого наследия**

Имя великого эзотерика, филолога и целителя Антуана Фабра д'Оливе сегодня мало известно не только у нас в стране, но и на его родине во Франции. Однако, истоки хорошо знакомого российскому читателю французского оккультизма второй половины XIX-го и начала XX-го столетий связаны непосредственно с этим именем. В его произведениях черпали свое вдохновение такие классики эзотерической мысли, как маркиз Сент-Ив д'Альвейдр, маркиз Станислас де Гуайта, Жерар Анкосс (Папюс), Жо-зеффен Пеладан, Эдуар Шюре. Последний в своей популярной книге «Великие Посвященные» так писал об Антуане Фабре д'Оливе: «Истинный восстановитель космогонии Моисея – это гениальный человек, сегодня почти забытый, которому Франция воздаст должное в момент, когда будет воссоздано в своих нерушимых основах эзотерическое знание, ставшее интегральным и религиозным. Фабр д'Оливе не мог быть понятым своими современниками, ибо опережал на целое столетие свою эпоху. Универсальный дух, он обладал в той же самой степени тремя свойствами – интуицией, анализом и синтезом, соединение которых вершит трансцендентное мышление...»

Далее Эдуар Шюре отмечает: «Заговорив о Фабре д'Оливе, следует сказать несколько слов и о другой позднейшей книге, вызванной к жизни трудами Фабра д'Оливе. Я говорю о *Mission de Juifs, Saint-Ives d'Alveydre* (1884 Calmann Levy) (1). Сент-Ив обязан своим философским посвящением книгам Ф. д'Оливе. Толкование Кн. Бытия взято им во всех существенных чертах из *La Langue hebraique restituee* Фабра д'Оливе. Цель этой книги двойная: доказать, что наука и религия Моисея были необходимым последствием предшествовавших религиозных движений в Азии и Египте, что Фабр д'Оливе уже осветил в своих гениальных произведениях; и доказать, что тройственное начало всякого правления, состоящего из трех видов власти: экономической, судебной и религиозной или научной, было во все времена венцом доктрины посвященных и существенной частью религий древнего цикла, до Греции. Такова собственная идея Сент-Ива, идея, достойная полного внимания. Он называет ее *синархией* или управлением, основанным на принципах; он находит в ней органический закон общественного устройства и единственное спасение для будущего. Если не считать того обстоятельства, что Сент-Ив не любил указывать на свои источники, необходимо признать высокое значение его книги, которой и я обязан многим. В ней, несомненно, одно великое качество, перед которым нельзя не преклониться, это – целая жизнь, посвященная одной и той же идее. Кроме этой книги, он издал еще «*La Mission des souverains*» и «*La France vraie*»; в последней он, хотя и поздно и как бы нехотя, все же отдает должное своему учителю Фабру д'Оливе» (2).

Поразительно, что творческое наследие писателя, вновь открывшего для человечества простую, но удивительно стройную истину о воздействии на Человека и Вселенную трех великих сил мироздания – Божественного Провидения, Судьбы (необходимости) и свободы Воли – само не избежало участи быть разобраным на цитаты всевозможными и подчас второстепенными писателями от оккультизма. Более того, отдельные из них выдавали идеи великого французского теософа за свои, что справедливо отметил Эдуар Шюре по отношению к Алек-

сандру Сент-Иву д'Альвейдру, который, прежде чем стать оккультистом, плодотворно поработал с архивом Фабра д'Оливе, оказавшись, волею случая, его хранителем. И все же, сколь несправедливо распорядилась Судьба с этим волевым певцом Божественного Провидения, хотя он никогда и не уповал на ее постоянство.

Как пишет в своей Биографической заметке Седир, Антуан Фабр родился 8 декабря 1767 года в Ганже в округе Эро, знаменитом, кстати, своим виноградарством и виноделием. Стоит отметить, что Ганж – типичный городок южной французской провинции Окситания, по которой в XIII веке огнем и мечом прокатился знаменитый Крестовый поход против катаров, когда крестоносцами, по приказу папского легата, полностью, не взирая на свою религиозную принадлежность, было уничтожено население соседнего с Ганжем города Безье. Сегодня одна из площадей Ганжа носит имя Фабра д'Оливе. Деды и прадеды Фабра д'Оливе по отцовской линии, являясь гугенотами (кальвинистами), относились к буржуазному сословию Лангедока. Возможно, они когда-то, как и множество фамилий юга Франции, исповедовали катарскую или альбигойскую ересь и память об этом передавали из поколения в поколение. Хотя современный российский исследователь французского эзотеризма Юрий

Стефанов и упомянул о происхождении фамилии Фабра д'Оливе (как нам представляется, со стороны отца) из центральной Франции. В XVI веке предки выдающегося теософа были вынуждены бежать в Лангедок из-за религиозных преследований гугенотов. К сожалению, мы пока не располагаем документальными генеалогическими сведениями подтверждающими это.

Что же касается фамилии его матери Антуанетты д'Оливе, то ее многие родственники, по причине периодических гонений на протестантов во Франции в XVII–XVIII вв., эмигрировали в разные страны Европы, обосновавшись в Швейцарии (Женева), Голландии, Германии, Шотландии, Швеции и даже Норвегии. С тех пор во всех этих странах можно встретить фамилию д'Оливе, кроме Франции, где мать знаменитого теософа была последней ее представительницей. Род д'Оливе, безусловно, принадлежал к провансальскому мелкому рыцарству, но с течением времени, испытав превратности гугенотской жизни в контрреформатской Франции, обуржуазился, вынужденный заняться торговлей и ремеслами в окситанских городах. Вот отчего, дабы избежать досадной путаницы с многочисленными Фабрами, подвизавшимися на литературном поприще, и дабы увековечить род своей матери, Антуан Фабр на законных основаниях прибавляет к своей фамилии фамилию своей матери, сделавшись Фабром д'Оливе.

Кроме «Трубадура», родному Провансу Антуан Фабр д'Оливе посвящает свое прекрасное этимологическое произведение «Язык Ок, восстановленный в своих составных принципах» (было готово к изданию в 1817 году; язык Ок – провансальский язык, название провинции Лангедок (Languedoc, Langue d'Oc) в переводе с французского, как раз и означает язык Ок – прим. пер.) (3). По свидетельству многих историков и филологов, среди которых и такой известнейший исследователь Прованса и альбигойской ереси, как Рене Нелли, данный труд до сих пор не утратил свое научное и культурологическое значение. Будучи провансальцем по происхождению, Фабр д'Оливе стоял у истоков национального, языкового и культурного пробуждения Прованса, целиком подпавшего под власть Франции после Альбигойского Крестового похода в XIII веке. Седир точно отметил роль Фабра д'Оливе, как самого яркого из предшественников Фелибрижа. Ныне невозможно представить Федерика Мистралья, иных деятелей провансальского возрождения без Фабра д'Оливе, ведь он для Прованса – все равно, что Тарас Шевченко для Украины. Пусть Фабр д'Оливе и не являлся, в отличие от Шевченко, завзятым сепаратистом. Вместе с тем, Фабр д'Оливе очень интересовался и соседними с провансальским баскским и аквитанским языками (Уэска), которые он считал сохранившимися наречиями первоначальных атлантов, принадлежавших к красной расе.

Впрочем, после публикации «Трубадура» за Фабром д'Оливе закрепилась слава литературного мистификатора. Вот как об этом пишет отечественный литературовед 30-х гг. прошлого столетия Евгений Ланн:

«Эпос Оссиана нашел отклик и на материке, во Франции. Но во Франции мистификатор обратился не к героическим временам незапамятного III века, а к средневековью: в 1802 году вышли два томика «Le troubadour, poesies occitaniques». Подзаголовок гласил: «traduites par Fabre d'Olivet» (переведенные Фабром д'Оливе – прим. пер.).

Фабр д'Оливе – фигура крайне интересная. Исключительный эрудит почти во всех областях гуманитарных наук, он является автором филологического исследования «Восстановленный древнееврейский язык» (1815) и двухтомной «Философской истории рода человеческого» (1824). Свое филологическое исследование он строит на оккультных принципах, которые проникают и его историческую концепцию. Но, прежде чем целиком отдаться мистике иллюминатов (4), он выступил со своим «Трубадуром» – переводами неизвестных песен средневековых трубадуров, слагавших свои песни на наречии, которое он назвал «occitanique». Слова такого не существовало и не существует. «Occitanique», как объяснил Фабр, объединяло провансальское, лангедокское и все близкие им наречия. Но мистификация не прошла незамеченной. В эпоху консулата еще никто не интересовался поэзией Прованса. Время для появления «Las Papillotos» гасконца Жасмэна и «Mireille» Мистралья еще не настало. Литературная критика отозвалась на появление «переводов» молчанием, а Фабр д'Оливе после этой неудачи не пытался больше писать в стиле трубадуров и ушел в оккультизм» (4).

Конечно, мистификация никоим образом не умаляет достоинств Фабра д'Оливе, а, скорее, наоборот, она их еще больше утверждает. Тем более, что со знаменитого эпоса Оссиана в Европе стал возрождаться интерес ко всему кельтскому, а окситанская поэзия Фабра д'Оливе, пусть и воспринятая весьма прохладно, только укрепила ростки воскресающего кельтизма. К тому же, любая серьезная литературная мистификация всегда опирается на источники оригинального характера.

Фабр д'Оливе и русская философия, первый перевод на русский язык

Из отечественных мистиков и философов высоко ценили научное и теософское наследие Фабра д'Оливе Владимир Шмаков, прозванный «русским Сен-Жерменом», а также священник отец Павел Флоренский. Идеи французского эзотерика органично отразились в их творчестве, а прекрасная статья Павла Флоренского «Имена», вообще, навеяна Фабром д'Оливе и успешно развивает отдельные положения его доктрины. В другой своей статье «Имеславие как философская предпосылка» Павел Флоренский особо подчеркивает этимологический дар французского эзотерика, а в примечании к ней говорит: «Фабр д'Оливе Антуан – оккультный мыслитель, интересовавшийся существом древних религий и языков, знал греческий, арабский и еврейский языки, развивал теорию, по которой санскрит, греческий и латынь произошли из еврейского языка. Фабр д'Оливе – автор трактата «Восстановленный еврейский язык». Будучи сторонником идеи о едином существе всех религий, развивал теорию всеобщей теодоксии. В своем стремлении возродить культ языческих богов Фабр д'Оливе устроил собственное святилище. С его именем связывают новое направление в масонстве».

Николай Бердяев в своей книге «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии», написанной летом 1918 года, отзывался о французском теософе по-бердяевски с легкой иронией, хотя и не умаляя его достоинств: «... Фабр д'Оливе построил остроумную социальную систему, основанную на совмещении трех начал – Божественного Провидения, необходимости и человеческой свободы. В этом есть много верного».

Характерно, что значение Фабра д'Оливе понимали и представители иного враждебного Флоренскому и Бердяеву идеологического лагеря – марксистского. Так, наряду с Эдуаром Шюре, Фабр д'Оливе являлся самым почитаемым Максимом Горьким оккультистом, о чем пишет в своей статье «Великий еретик» (Горький как религиозный мыслитель) литературовед Михаил Агурский (7). Здесь нет ничего удивительного, поскольку марксизм есть древняя религиозная система, берущая свое начало в иллюминатстве и ветхом египетско-вавилонском идолопоклонстве, и стремящаяся насадить всемирную атеократию, вместо вселенской теократии, устройство которой чаяли не только христианские философы и богословы, но и эзотерики, подобные Маргинесу де Паскуалису, Виллермозу, Жозефу де Местру и, конечно же, Фабру д'Оливе. К тому же, с переживших ужасы масонско-иллюминатской Великой Французской революции Жозефа де Местра и Фабра д'Оливе начинается возрождение теократической мысли по всей Европе. Теорию теократии Жозефа де Местра и Фабра д'Оливе подхватывает и усовершенствует своей философией мессианизма великий математик Хёне-Бронский, пусть мессианизм последнего пока государственный и неперсонифицированный. Вслед за тремя французскими мистиками приходит Владимир Соловьев, в творчестве которого и получили окончательное развитие их идеи. Хотя Владимир Соловьев почти ничего и не говорит о Фабре д'Оливе, но чувствуется, что многие строки его богословских, философских и культурологических произведений, где речь идет о всеединстве, теократии и Понтификате, навеяны «Философической историей Человеческого рода», «Восстановленным гебраическим языком» и «Золотыми стихами Пифагора». Сам факт того, что книга Владимира Соловьева «Россия и Вселенская Церковь» была написана по-французски, говорит о многом.

Безусловно, образованная русская публика XIX и начала XX вв. практически не нуждалась в переводе трудов Фабра д'Оливе (хотя сомнительного качества переводы модного Папыса «выпекались» в начале XX столетия буквально каждый год). И тем не менее, первый и до недавнего времени последний русский перевод произведения великого французского эзотерика был сделан В. Н. Запрягаевым, который перевел «Космогонию Моисея» Фабра д'Оливе, вышедшую в свет в провинциальной Вязьме в 1911 году с подзаголовком: «Традиция восста-

новления по истинному смыслу древнееврейских (египетских) коренных слов». Опять же по странной иронии, этот перевод был размещен на Интернет-сайте российского отделения иллюминатского Ордена восточных тамплиеров. Злой парадокс: всю свою жизнь Фабр д'Оливе беспощадно боролся с иллюминатами, а они его не только помнят, но и пользуются его наследием.

Стоит отметить, что творчество Фабра д'Оливе оказало большое влияние и на мировоззрение отечественных оккультистов начала XX столетия, среди которых можно смело назвать имена Григория Мёбиуса (Г.О.М.) и Сергея Тухолки (1874–1954). Если первый разбирает учение Фабра д'Оливе на страницах своего «Курса энциклопедии оккультизма», переизданного «Энигмой» в 2004 г., то второй посвящает доктрине французского эзотерика одну из своих книг явно антропософского характера (8).

Из современных российских исследователей к творчеству Антуана Фабра д'Оливе обращался «затворник Теплого Стана» Юрий Стефанов (1939–2001), являвшийся, к тому же, земляком Николая Семеновича Лескова, одного из самых талантливых и загадочных русских писателей. У Стефанова совершенно особенный и совсем неканонический взгляд на французского эзотерика. В своей статье «Великая Триада Фабра д'Оливе» Стефанов с присущей себе изящностью изложения желает представить лангедокского мыслителя, как приверженца альбигойской ереси, неокатара, подобного жившим уже в XX столетии Деода Роше и Антона Гадала. Так, Стефанов пишет, что в «Философической истории Человеческого рода» Фабр д'Оливе «попытался соединить катарскую дуалистическую доктрину с даосским учением о «Великой Триаде» – именно ему мы обязаны введением этого понятия в оборот европейской философии». И далее: «Членами этой Триады в Китае считались Небо, Земля и посредник между этими двумя космическими силами – Человек, точнее говоря, – «Человек совершенный» (Сяньжэнь); этот термин вполне соответствует исламскому термину «аль-инсан аль-камил», а также таким каббалистическим понятиям, как Адам Кадмон или Адам Протопласт. У Фабра д'Оливе эти великие мировые силы называются Провидением, Судьбой и Волей человеческой» (9).

Мы не будем здесь касаться тождества между даосским Сяньжэнем и Адамом Кадмоном, что по сути верно и отражено во всех монотеистических религиях, но лишь отметим следующее: творчество Фабра д'Оливе не имеет никакого отношения ни к гностицизму, ни к лангедокскому катарству, которые столь дороги для Юрия Стефанова. На протяжении всей своей жизни Фабр д'Оливе исповедывал позитивный неоплатонизм и элитарную пифагорейскую доктрину, иными словами, завуалированное под политеизм Единое божество. Божественное Провидение, Судьба (необходимость) и Человеческая воля (Свобода), по Фабру д'Оливе – непреходящие законы, данные Предвечным своему мирозданию. Во вселенной Фабра д'Оливе все едино и там нет места веренице гностических архонтов с манихейско-катарским демиургом во главе. Да и что общего у Адама Протопласта с альбигойскими «совершенными»? Если само христианство Фабр д'Оливе характеризовал иногда не только как высший «интеллектуальный» (в противовес «анимическим» исламу и единизму), но и как «сумрачный культ», то как бы он определил манихейство катаров, являвшееся, в целом, деструктивной религией смерти, которая еще до печально знаменитого похода в Лангедок Симона де Монфора ради ложного аскетизма успела повькосить население городов и сел французского юга? Думается, во взгляде на эту темную ересь кальвинист по происхождению Антуан Фабр д'Оливе сошелся бы с ревностным католиком Святым Домиником, основавшим «*Domus Inquisitiones*» (Инквизиционный трибунал) в Тулузе и доминиканский орден. И все же внешне не придерживаясь христианского вероучения, Фабр д'Оливе в своей глубинной сущности всегда оставался католиком, но не в вульгарном и профаническом смысле слова, а в посвятителем, пусть даже католиком от пифагореизма. И отсюда его тоска по Вселенской Теократии во главе с заместителем Провидения Папой Римским и божественным Пророком при нем, Вселенской Империи во главе с паневропейским монархом, отсюда его тайный план теократического переустройства Европы

и мира. Выходит, что цели и задачи у православного русского католика Владимира Соловьева и французского политеиста пифагорейца Антуана Фабра д'Оливе одни, только вот способы их достижения порой отличаются на понятийном уровне. У Соловьева они клерикально-христианские, покоящиеся на откровении Спасителя и священных установлениях; у Фабра д'Оливе – чисто эзотерические, иногда даже формальные, ведущие от одной мировой Теократии к другой. Если Соловьев христианский фундаменталист, то Фабр д'Оливе, как сказали бы сегодня, фундаменталист традиционализма. Но оба духовных писателя едины в познании Единого в своих проявлениях – ЯХВЕ, АДОНАЯ, САВАОФА.

Фабр д'Оливе и тайные общества

До сих пор остается загадкой, принадлежал или нет Антуан Фабр д'Оливе к братству вольных каменщиков. Большинство авторов склоняется к тому, что Фабр д'Оливе не был масоном, хотя и получил посвящение в одной из парамасонских организаций – Пифагорейском ордене. Впрочем, сам французский эзотерик недвусмысленно намекал, что вдохновителями злокозненных действий против него являются масоны. И это неудивительно, ведь Фабр д'Оливе основал на масонских принципах свой Орден всемирной теодоксии, который правверные вольные каменщики восприняли за явную и опасную ересь.

Первые три посвячительные степени Ордена всемирной теодоксии назывались портиком Храма и соответствовали трем первым символическим градусам адонирамического масонства. Ложа у Фабра д'Оливе называлась Поле, ученик именовался поливальщиком, подмастерье – пахарем, мастер – сеятелем. Такая увязка символических степеней с профессиями сельских тружеников вполне закономерна для Фабра д'Оливе, считавшего человека «небесным растением» и полагавшего в обработке земли, которую древние римляне нарекли культурой, истоки всех наук и искусств. «Элевзинские мистерии, – писал он, – тесно связаны с культурой возделывания земли; платоники и пифагорейцы сравнивали душу человеческую с пшеничным колосом. Всемирный теодоксический культ воскрешает в современном или, лучше сказать, обмирщенном мире инициации древности» (10). Так, целью поливальщика в ордене Фабра д'Оливе являлось очищение и познание самого себя; пахаря – труд и выбор растения, которое он должен был возделывать; сеятеля – изучение природы и небесной культуры. Следовательно, поливальщик, пахарь и сеятель были обязаны непрестанно очищаться, обучаться и совершенствоваться в буквальном и ритуальном смысле. Завершали иерархию Ордена всемирной теодоксии четыре высших степени, обозначавшиеся именами космических стихий – Вода, Земля, Воздух и Огонь. Отметим, что до Фабра д'Оливе существовало два вида масонства. Это – традиционное масонство каменщиков и так называемое «лесное масонство», которое представляли собой итальянские карбонарии, выжигавшие во время своих церемоний из дерева древесный уголь. Ритуал посвящения в орден, составленный Фабром д'Оливе в соответствии со своей оригинальной музыкальной системой и ориентированный на годовые солнцестояния, был опубликован в его книге «Истинное масонство и небесная культура», впервые увидевшей свет в 1952 году (11).

По существу Орден всемирной теодоксии указал новый путь для европейских инициатических обществ и тайноведческой науки, путь, которому было не суждено осуществиться, ибо французское масонство, практически властвовавшее страной в революционную и наполеоновскую эпоху, и представленное, главным образом, Великим Востоком Франции, очень неодобрительно смотрело на подобные затеи. И здесь мы вплотную подошли к загадке гибели Антуана Фабра д'Оливе.

По официальной версии, к которой склонялся и Седир, Фабр д'Оливе покончил жизнь самоубийством в своем домашнем святилище в ночь на 25 марта 1825 года. Для русского эмигранта и конспиролога Григория Бостунича было вполне очевидно, что ритуальное убийство Фабра д'Оливе совершили масоны (12), на происки которых намекает и мета-физик-мессиянист Хёне-Вронский. Конечно, здесь речь идет об иллю-минатском и либеральном масонстве и уж никак не о консервативном христианском и мартинистском масонстве, к которому принадлежал и Жозеф де Местр. Александр Сент-Ив д'Альвейдр думал по этому поводу иначе: «Он был заколот возле своего алтаря: от христианства не отрекаются безнаказанно» (13). Тайнственное глубокомыслие маркиза Сент-Ива д'Альвейдра, одно время ратовавшего за римский католицизм, обернулось, как всегда, банальностью. Но что мог объективного сказать о смерти Фабра д'Оливе его ученик, занимавшийся плагиатом у своего учителя? В другом месте Сент-

Ив д'Альвейдр сказал, что не христианин Фабр д'Оливе, подобно Жозефу де Местру, пришел к идеалу деспотического клерикализма в противовес нивелирующей секулярной демократии. Это правда. Но с чем, как не с римско-католической церковью, связывал свой клерикализм, свою чаемую Теократию Антуан Фабр д'Оливе? Или, может, с коллегиями гальских друидов, которые больше тысячи лет, как бесследно исчезли на территории Галлии? К любой стилизации, обозначаемой или не обозначаемой предикатой «нео», Фабр д'Оливе относился если не отрицательно, то скептически, а посему и не воспринял новый постреволюционный культ Теофилантропов, учрежденный его товарищем Ауи.

Итак, католикам-ультрамонтанам было невыгодно убивать человека, пропагандировавшего, пусть и весьма своеобразно, идею всемирной Теократии и Римского понтификата. И следовательно, вопрос о смерти Антуана Фабра д'Оливе остается открытым.

Всеединство, Синархия и Теократия

История философии утверждает, что впервые термин *панэнтеизм* или *всеединство* ввел в философский обиход немецкий метафизик Карл Краузе (1781–1832). Хотя не исключено, что само понятие всеединства Краузе позаимствовал в эзотеризме Фабра д'Оливе. Последний ничего не изобретал, а лишь восстановил древнее пифагорейское мировоззрение, основанное на борьбе свободы (Воли) с необходимостью (Судьбой) и прямом воздействии на мироздание божественного закона, именуемого Провидением. Венчает этот космический тернер сам Господь Бог, образуя мистический кватернер макрокосма. На уровне индивида человеческая тримерия (тело, душа, дух) находит свое осуществление в Едином Предвечном, образуя мистический кватернер микрокосма. Поскольку Господь един, то своим единством он объедает весь космос, начиная от макрокосма и через микрокосм до всех царств природы. На этом зиждется основной божественный закон или *теодоксия всеединства*, которая уже несет в себе закон иерархического гармоничного соуправления – *синархию*, противостоящую *анархии* – дьявольскому закону распада и разложения. И хотя в своей вселенной Фабр д'Оливе не находит места князю мира сего, все же его происки можно узреть в крайних формах искажения законов свободы и необходимости. Правда, под конец жизни французский эзотерик признал, что одним искажением этих законов невозможно объяснить все явления и стал говорить о влиянии на людей и человеческие общества элементарных злых духов, поднимающихся в определенные циклы из нижних частей вселенского яйца. Чем не традиционный христианский взгляд на бесов преисподней, пусть и облеченный в определенную оккультную фразеологию.

Исходя из реализуемого во времени и пространстве закона всеединства, весь мир пронизывает единая субстанция, именуемая Исааком Ньютоном *эфиром*. По поводу этой сущности, неоднократно упоминаемой в трудах Антуана Фабра д'Оливе, Рудольф Штейнер отмечал в своих лекциях за 1924 г. «Какую пользу может извлечь медицина из применения духовно-научного метода»: «Вся Вселенная, от «Бога до глины» является проявлением Единой Субстанции. Древние называли это вещество «Акаша». Герметические философы, называли его *квинтэссенцией*, или, буквально, *пятый элемент*... Акаша – это, наполняющая пространство, основная, или первичная материя, из которой образуется все сущее. По меткому определению Фабра д'Оливе, это тот неуловимый узел, который соединяет бытие с небытием, посредством его, осуществляется связь форм, с производящим их принципом».

Здесь стоит отметить определенное противоречие, в которое впал Антуан Фабр д'Оливе, как оккультный философ. С одной стороны, он придерживался своей теодоксии всеединства; с другой – полагал, подобно Парацельсу, что человеческие расы произошли в разное время, в разных местах и от предков, не имеющих отношения друг к другу. К примеру, прародиной нашей белой или кавказской расы, по Фабру д'Оливе, являются северные пределы Евразии, называемые древними греками Гипербореей. В этой связи вспоминаются Белый Остров (Шведтадвипа) ведических ариев, Арктогея Рене Генона, Атланд Германа Вирта, а также некогда располагавшийся в лесостепи южного Урала индоевропейский культовый центр Аркаим, основанный уже после исхода северных народов со своей прародины. Семитические народы Фабр д'Оливе считал результатом древнего смешения кельто-нордической расы с представителями второй атлантической (черной) расы, уже смешавшейся с реликтами первоначальной атлантической (красной) расы. В вопросе об Атлантиде французский эзотерик придерживался мнения и ныне непревзойденного атлантолога иезуита Афанасия Кирхера (1602–1680), который составил даже географическую карту Атлантиды с очертаниями затонувшего континента. Остается загадкой, каким образом он их определил, но поразительно, что эти очертания довольно точно соответствуют еще неизвестному во времена Кирхера глубинному рельефу океана. Фабр д'Оливе вслед за Кирхером повторяет, что изначальная атлантическая цивилизация принадле-

жала красной расе. Затем атлантическая традиция через Египет, ставший по существу колонией Атлантиды (самих древних египтян некоторые оккультисты полагают отдельной голубой расой), досталась черной расе, а от нее, благодаря завоеваниям арийца Рама и установлению им вселенской империи со вселенской теократией, перешла к народам белой расы. Империя Рама, с точки зрения Фабра д'Оливе, была третьей вселенской империей после первой и второй атлантических империй. За империей Рама, созданной гиперборейцами в Азии, должна следовать вселенская империя с властным и религиозным центром в Европе, предтечами и прообразами которой являлись: империя Александра Македонского, Римская империя, Византийская империя, Священная Римская империя Германской Нации и Российская империя. Связующим звеном традиции всех этих евразийских супердержав есть и остается римско-католическая теократия в Риме. Ключ к судьбам Европы, Азии и Африки, по мнению Фабра д'Оливе, находится в Константинополе. И от того, кто станет обладать этим городом, будет зависеть дальнейшая участь Европы. Роль форпоста европейского мира на Ближнем Востоке Фабр д'Оливе отводит Иерусалиму, считая, что сей святой град должен, наравне с Римом, принадлежать суверенному понтифику. Вместе с тем, французский эзотерик очень отрицательно относился к нарождающейся «химере» – эмпорократической империи США, предвидя в ней страшную угрозу для будущей европейской цивилизации. Что ж, он не ошибся. Да и сама химеричность этого образования заключается в том, что США – лидер так называемого «атлантизма», которому суждено, подобно двум изначальным древним «атлантизмам», быть погребенным в пучине истории.

Итак, Фабр д'Оливе исповедывал полигенез человеческих рас, хотя все монотеистические религии (христианство, иудаизм, ислам) говорят о моногенезе и единстве человеческого рода. Такой взгляд Фабра д'Оливе на появление человеческих рас никак не согласуется с его же утверждением о том, что все языки мира произошли от единого протоязыка – гебраического (древнееврейского) языка-основы. Судя по всему, политеистическая оболочка строгого единобожия Фабра д'Оливе напрямую связана сданным полигенетическим воззрением французского эзотерика. Правда, в своей «Философической истории человеческого рода» он намекает туманным образом и несколько гипотетически, будто происхождение человеческих рас зависело от различных форм и фаз космогенеза.

Теодоксия всеединства порождает, по Фабру д'Оливе, единую сакральную власть – теократию, вне которой всякая человеческая цивилизация теряет свой смысл. Все формы и виды государственной власти возникли в результате искажения теократии или отпадения от нее, – таковы монархия и республика со своими всевозможными разновидностями от тирании до эмпорократии. Последнюю в полной мере осуществила владычица морей Англия, хотя и являющаяся формально монархией. Почти двести лет назад Фабр д'Оливе предупреждал об опасности победы эмпорократии на земле, а сегодня она под названием мондиализма и глобализма практически покорила весь мир, и столь любимая французским эзотериком Европа от Португалии до Сахалина изнывает под игом англо-американских ценностей, продвигаемых огнем и мечом, неконтролируемой миграцией, упадком и искажением христианской веры, вырождением традиционной культуры, продвижением культа насилия, гедонизма и уже неприкрытого сатанизма. С другой стороны, власти европейских государств, в особенности Франции, Англии, Германии, Италии и Бенилюкса, фактически капитулируют перед разрастанием на исконно христианских территориях мусульманских анклавов. Многие европейцы, не видя смысла в размываемом и по сути гонимом своими же либералами христианстве, переходят в ислам, пример чему показали мыслители-эзотерики, подобные Рене Генону, Титусу Буркхардту, Фритьофу Шюону и Роже Гароди. Вот они признаки эмпорократии нашего времени, которые проникновенно предугадал великий французский теософ Фабр д'Оливе.

Фабр д'Оливе и тайна Папства

Фабр д'Оливе отрекся от родного кальвинизма в пользу мистического пифагорейства и римской теократии. Как и многие философы уже нашего времени, он видел истоки эмпорократии и, следовательно, начала всех европейских бед в возникновении протестантизма и его крайней формы – кальвинизма. Самым ярким выражением реформатской идеологии французский эзотерик считал Голландию и Англию. Он предупреждал о том, какие губительные последствия ожидают эти страны, когда ветшающие строгие кальвинистские или пуританские нормы будут заменены проросшим сквозь них либеральным законодательством. Сегодня мы наблюдаем во что вовлекли эти породившие Америку державы весь мир. Но участь Голландии, как либеральнейшего средоточия Европы, пожалуй, самая печальная.

По Фабру д'Оливе, задачей европейского человечества является построение сначала всевропейской, а затем и вселенской теократии и возрождение некогда существовавшей вселенской империи. Это целиком созвучно с идеями его современника Жозефа де Местра, о котором Альбер Камю писал: «Жозеф де Местр отвергал якобинство и кальвинизм, в которых, по его мнению, подводился итог «всех злокозненных мыслей за последние три столетия», противопоставляя им христианскую философию истории. Вопреки всем расколам и ересям он стремился воссоздать «хитон без шва», то есть подлинно вселенскую церковь. Целью де Местра, как явствует из его масонских увлечений, было построение всемирного христианского града. Он размышлял об Адаме Протопласте, или Всечеловеке Фабра д'Оливе, в котором видел образ обособившихся человеческих душ, а также об Адаме Кадмоне кабаллистов, которого надлежало теперь восстановить в том виде, в каком он пребывал до грехопадения. Когда церковь сможет объять весь мир, считал де Местр, она станет плотью этого первого и последнего Адама. В его «Санкт-Петербургских вечерах» содержится масса высказываний на этот счет, поразительно напоминающих мессианские формулировки Гегеля и Маркса. Де Местр мечтал о новом Иерусалиме, земном и в то же время небесном граде, «чьи жители проникнутые единым духом, будут взаимно одухотворять друг друга и делиться между собой своим счастьем» и где «человек обретет самого себя после того, как его двойственная природа уничтожится, а оба начала этой двойственности сольются воедино» (14).

Нужно сказать, что в реальности чаяния Фабра д'Оливе и Жозефа де Местра оказались утопией. Европа пошла совсем по иному пути, полностью подпав под влияние заокеанской эмпорократии и этим перечеркнув смысл своего существования. Сейчас мы имеем единственную мировую державу, претендующую на роль вселенской империи и повсеместно под видом демократических ценностей навязывающую свою атеократию. Вся суть этой державы с ее атеократией – в потреблении. Что же касается суверенного понтифика или римского первосвященника, то его влияние на современный мир весьма ограничено, а при предыдущем папе Иоанне-Павле II Ватикан воспринимался чуть ли не как филиал американского госдепа. Но при новом понтифике Бенедикте XVI (к сожалению, с 28 февраля 2013 года он на покое) Святой Престол вновь начинает обретать уже утраченный авторитет, в церкви возрождается тридентская месса, ведутся активные переговоры о воссоздании единства Западной и Восточной церквей, расколовшихся в 1054 году. Многие европейцы, отвергая англо-американскую систему ценностей, приходят к выводу: либо духовно-религиозное возрождение – либо конец; третьего не дано.

Отметим здесь следующее знаменательное совпадение: в пророчествах святого Малахии, ирландского монаха XII столетия, нынешний (265-й от апостола Петра и 111-й от Иннокентия II) понтифик Бенедикт XVI назван «Славой Оливыв» («Gloria Olivae») или папа Оливетан (Olivetanus), что почти точно отражено во второй части фамилии французского эзотерика (Fabre d'Olivet). Именно с понтифика Оливетана должно начаться, пусть и короткое, христианское католическое возрождение Европы. После него на Святой Престол взойдет последний папа –

Петр II или Petrus Romanus (112-й от Иннокентия II). Впрочем, вот как об этом говорит сам Малахия: «Во дни последних гонений Святой Римской церкви престол займет Петр Римлянин, который будет пасти своих овец посреди многочисленных невзгод. Во время этих бед город на семи холмах будет разрушен и страшный судья станет судить свой народ». Считается, что после Петра Римлянина Ватикан попадет под власть антихриста, который сделается главой новой мировой синкретической религии. Третья тайна явления Пречистой Девы Марии в Фатиме, аутентичная версия которой до сих пор не оглашена Ватиканом, как выясняется, говорит о том же. Сегодня оккультно-синкретическим движением «New Age», все больше перерастающим в религиозное, уже ведется подготовка к этому погубительному для всего мира событию.

Исходя из вышесказанного, возникают вопросы: по какой причине Антуан Фабр д'Оливе в завершении своей «Философической истории Человеческого Рода» отказался публиковать свой план теократического переустройства европейских государств; что же все-таки остановило его предать гласности свой грандиозный проект? Ответ очевиден: за внешней языческой фразеологией, мнимым политеизмом и игрой в совершенство античных форм проступает глубокая христианская вера Фабра д'Оливе, который очень опасался самой вероятности того, чтобы его планом могли воспользоваться создатели культа от мира сего. Для Фабра д'Оливе римский понтифик – это представитель Божественного Провидения и Единого Всевышнего. Но под конец жизни проницательный французский эзотерик все же разглядел в одном из грядущих римских первосвященников черты князя мира сего и главу новой всемирной синкретической антирелигии. Фабр д'Оливе унес с собой в могилу свой план теократического переустройства Европы. Подобно русскому философу Владимиру Соловьеву, он испугался антихриста. Иногда в своих более ранних произведениях Фабр д'Оливе чрезмерно увлекался красотой и изяществом форм в ущерб их внутреннему содержанию, но на сей раз мистическая интуиция его не подвела. Итак, быть может, в тайне последнего антипапы, что станет представляться законным преемником Святого Петра, и заключается разгадка убийства или самоубийства великого французского эзотерика Антуана Фабра д'Оливе.

Veni Creator Spiritus!

Комментарии

(1) Сент-Ив д'Альвейдр. Миссия Евреев. Издательство Кальманн-Леви. Париж, 1884. Далее идет речь о произведении Фабра д'Оливе «Вновь восстановленный гебраический язык» и книгах Сент-Ива д'Альвейдра «Миссия суверенов» и «Подлинная Франция» (прим. пер.).

(2) Schure Edouard. Les Grands Initiés. Esquisse de l'histoire secrète des religions. Paris. Perrin et Cie, 1917; pp. 181–182.

(3) Fabre d'Olivet, La Langue d'Oc retablée dans ses principes constitutifs, ms В.М. Hyeres. (Prêt pour l'édition en 1817).

(4) Совершенно не понятно, почему автор статьи относит произведения Антуана Фабра д'Оливе к «мистике иллюминатов». Французский мистик не только не являлся иллюминатом, но, наоборот, был их непримиримым оппонентом. Известна его разоблачительная критика теорий Адама Вейсгаупта, лидера и основоположника иллюминатского ордена.

(5) Евгений Ланн. Литературная мистификация.

Государственное издательство. Москва-Ленинград, 1930.

X, 50.1 из № 36813. Ленинградский Областлит № 54014.

7 1 / 4 л. Тираж 3000.

(6) Бердяев Н. Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-Press, 1990, с. 347.

(7) Журнал «Вопросы философии», N 8, 1991, с. 54–74.

(8) Философия истории. Влияние на историю Провидения, Воли и Рока (по Фабру д'Оливе). Издательство «Дамаск», 1999.

(9) Ю. Стефанов. Мистики, оккультисты, эзотерики. Москва: Вече, 2006; с. 173.

(10) цит. по Ю. Стефанов. Мистики, оккультисты, эзотерики. Москва: Вече, 2006; с. 170.

(11) Antoine Fabre d'Olivet. La vraie magonnerie et la celeste culture. Paris, 1952.

(12) Г. Бостунич. Масонство в своей сущности и проявлениях. Части 1,2. Белград, 1928.

(13) Ю. Стефанов. Мистики, оккультисты, эзотерики. Москва: Вече, 2006; с. 178.

(14) Альбер Камю «Бунтующий человек» / Пер. с фр.; Общ. ред., сост. предисл. и примеч. А. Руткевича. Москва: Терра – Книжный клуб; Республика, 1999.

Том первый

перевод с французского В. А. Ткаченко-Гильдебрандта

Прим. В тексте перевода многие философско-окультурные понятия, названия религиозных учений вместе с их приверженцами, а также различные этнические наименования даны с заглавной буквы, как во французском оригинале произведения Фабра д'Оливе. Кроме того, во избежание путаницы и разночтения определенные термины, имена и обозначения сопровождаются своим параллельным написанием по-французски.

Вводная диссертация

Параграф I

Преамбула. Основания этого труда

Публикуемый мной труд по социальному состоянию человека должен был вначале стать частью более значительной работы по истории земли и ее обитателей, о которой я размышлял и для которой собрал огромное количество материалов. Я намеревался рассмотреть под одним углом зрения и по порядку изобразить всеобщую историю земли, на которой мы живем, сопоставляя ее историю естественную и политическую, физическую и метафизическую, гражданскую и религиозную, начав с происхождения вещей и завершая их последним развитием; таким же способом представить без малейших предрассудков космогонические и геологические системы всех народов, их религиозные и политические доктрины, их правительства, нравы, разнообразные отношения, взаимные влияния, которые они оказали на цивилизацию, их передвижение по земле, счастливые и несчастные события в их судьбе, свидетельствующие о существовании более менее бурном, продолжительном, интересном, дабы извлечь из всего этого наиболее пространственный и верный смысл, который до сих пор не был найден в изучении внутренней природы вещей, в особенности же внутренней природы человека, что нам столь необходимо узнать.

Я вынашивал в себе этот замысел, будучи еще юным и полным надежды, которую питает заносчивая юность; я не замечал никакого препятствия, способного меня остановить на большом жизненном поприще, которое я польстился осуществить. Уверенный в своей моральной силе и предназначенный к упорному труду, я думал, что ничего не воспротивится моему дважды упрямому действию вкупе с любовью и истиной. Так я обратился к исследованию с ненасытным жаром, непрерывно повышая объем своих знаний без всякой заботы о том, как я бы их мог однажды применить. Признаться, из-за своих политических взглядов я был не готов к добровольному затвору, необходимому подобной самоотверженности. Хотя я ничего не замечал в ходе революции, держась на равной дистанции от партий, чуждый любой интриге, любой амбиции, я достаточно изучил вещи и людей, дабы мои мнения и мой характер не пребывали совсем в неведении. Обстоятельства, независимые от моей воли, сделали их известными Бонапарту, еще и преувеличив в его глазах то, что могло быть противно его замыслам. Таким образом, со времени Консулата он возненавидел меня довольно сильно и решил приговорить меня без всяких оснований к ссылке, нарочно включив мое имя в список тех двухсот несчастных, которых отправил погибать на недружелюбный африканский берег. Но по большой милости Провидения, мне удалось избежать высылки, хотя я и должен был действовать во время правления Наполеона с великой осторожностью, чтобы миновать сети, расставленные им для моей поимки.

Мои предчувствие и положение совпали между собой, сумев найти мне спасительное пристанище, и сообщив обратили меня к изысканиям.

Меж тем, когда я отдыхал от своих исследовательских трудов, я обращал свой взор к плодам моего исследования и видел, мало удивляясь, что большие трудности не находились там, где я их первоначально представлял и что главным вопросом являлся не сбор материалов для задуманного мной здания, а познание их природы с целью их распределения не только в зависимости от формы, но и по однородности (гомогенности); их форма зависела почти всегда от времени и внешних обстоятельств, а их однородность от самой сущности вещей. Это размышление привело меня к глубокой проверке многих доктрин, которых ученые обычно классифицировали в качестве несоответствующих и противостоящих. Я убедился, что эти несоот-

ветствие и противостояние заключены единственно в формах, а основа являлась в сущности той же самой. Я предчувствовал с того времени существование великого Единства, вечного источника, откуда все исходит; и я ясно видел, что люди не так уж далеко от истины, как они думают обычно. Их наиболее великое заблуждение – искать ошибку там, где ее нет, и увлекаться формами, когда их надо избегать, дабы углубиться в сущность. В особенности же констатируем, что формы зачастую суть собственные произведения людей, как это видно из литературных памятников высокого достоинства и, главным образом, из космогонии Моисея. Я прошу свободу остановить меня на мгновение на этом экстраординарном факте, который прояснит многие являемые вещи, без этого остающиеся непонятными.

Когда хочется написать историю земли, то берется за основу эта космогония с ее грубыми формами, каковые ей передают ошибочные переводы, и получается вдруг, что она находится в шокирующем противоречии с космогониями наиболее знаменитых наций, наиболее древних и наиболее просвещенных в мире. Тогда нужно со всей необходимостью либо ее мгновенно отвергнуть, либо считать священных писателей Китая, Индии, Персии, Халдеи, Египта, Греции, Этрурии, а также кельтов, наших предков, лжецами или безумцами, ибо они все, без исключения, дают возраст земле несравненно более древний, нежели эта космогония. Нужно опрокинуть всякую хронологию наций, обрезать их историю, уменьшить все, что они видели великого, увеличить все, что для них было неощутимо, и отказаться от этой столь хваленной мудрости египтян, от мудрости, которую величайшие люди искали с опасностью для своей жизни и неопровержимые памятники которой нам передали Платон и Пифагор. Но как отречься от данной космогонии? Это невозможно, ибо она, кроме того, лежит в основе трех наиболее могущественных культов нашей земли, среди которых иудаизм, христианство и ислам, в их древности, славе и распространенности. Очевидно, что всякий, кто сможет почувствовать божественные вещи, пройдя сквозь плотный покров, наброшенный переводчиками Моисея на писания этого умелого теократа, откроет в них недвусмысленные черты вдохновения, коим он был охвачен. Однако стоит ли, освящая эту космогонию, каковой она содержится в вульгарных переводах, продолжать изолировать себя от остального мира, рассматривая все несоответствующее ей в качестве нечестивого и ложного, и делать подобно просвещенной и могущественной Европе, кощунственно предающей остальную землю и поступающей в этом отношении как вела себя несколько тысяч лет назад маленькая и невежественная страна, называвшаяся Иудеей? Сие тем не менее возможно.

Но, скажут, зачем беспокоиться о вещи, коей должно мирно пребывать в забвении? Книги природы, в том числе книги Моисея, написаны для темных времен. Лучшее, что представляется сделать в светлые столетия, подобные нашим, так это оставить их народу, который их чтит, не понимая их. Ученые для построения космогонических и геологических систем не нуждаются в изучении того, о чем думал четыре тысячи лет назад законодатель еврейства. Наши энциклопедии в этом плане полны восхитительных вещей. И в самом деле восхитительных, если судить о них по числу, но столь же бесполезных, сколь же и ничтожных. Тогда как книга Моисея живет уже сорок веков и удерживает пристальные взгляды народов. И нескольких дней будет достаточно, чтобы опровергнуть те из них, которые вознамерились ей противостоять, дабы погасить легкомысленные искорки, поднявшиеся против этого величественного метеора.

Поверьте мне, ученые мира, что нельзя пренебрегать священными книгами народов, когда вы демонстрируете свою науку, но лучше объяснить их. Невозможно описать историю без памятников, а равным образом и историю земли, не прибегая к этим книгам, ибо они – истинные архивы, содержащие документы. Для сего нужно исследовать боготворимые страницы, сравнивая их между собой, и уметь отыскать в них истину, которая зачастую ослаблена и прикрыта в них ржавчиной времен. Вот о чем я думал. Я видел, что если я хочу написать историю земли, то мне необходимо изучить не только сохранившиеся памятники, но и удостове-

ряться в собственном состоянии их правильно объяснить. Вне всякого сомнения, космогония Моисея является одним из таких памятников. Будет выглядеть смешным само желание двигаться по весьма протяженному пути, отвергнув ее и не уделив ей никакого внимания. Но если же историк имеет силу, как я о том сказал, остановиться перед этим монументальным колоссом и воспринять его принципы, каждый из которых станет самостоятельным памятником на пути, а принципы равно величественные и почитаемые будут противоречить один другому? Что же делать тогда всем современным открытиям, которые не могут к ним адаптироваться? Заговорят ли тогда об обманчивой очевидности и экспериментальном подходе, прекратившем показывать причинно-следственную связь? Вовсе нет, ибо неведение и предрассудок не имеют преимущества дважды одевать повязку на глаза ученого. Такой историк будет рассуждать, несомненно, как и я на своем месте.

Я сказал себе: поскольку Сефер Моисея, содержащий космогонию этого выдающегося человека, конечно же является плодом возвышенного гения, ведомого божественным вдохновением, он может содержать только истинные принципы. Если же этот гений и ошибался, то это могло происходить лишь в цепочке следствий при переходе от непосредственных идей или сообщении определенной причины следствий, которые принадлежат другой. Но эти мелкие ошибки, часто возникающие из-за скорости выражения и от вспышки образов, не могут ничего причинить фундаментальной истине, в которой заключена душа писаний, что должна пребывать сущностно идентичной во всех священных книгах народов, исшедшая самой собой из единого животворного источника, откуда истекает всякая истина. Если это не так, то из-за того, что Сефер, составленный на языке, в течение долгого времени неизвестном или утраченном, долгое время не был понят, и его переводчики вольно или невольно искажали или извращали его смысл.

Сделав подобный вывод, я взялся за его применение. Я проверил со всей тщательностью, на которую был способен, древнееврейский язык Сефера, и не преминул увидеть, о чем говорил в другом месте, что именно этот язык и не был отражен в вульгарных переводах, где Моисей не говорит почти ни слова на древнееврейском, поскольку его заставили говорить по-гречески или на латыни.

Но весьма бесполезно здесь всякий раз повторяться о том, что можно найти полностью в моем развернутом труде, посвященном именно данному вопросу (1). Однако для понимания его достаточно отметить, что время, которое я, собравши материалы, определил себе для написания истории земли, было почти полностью потрачено на объяснение именно этого памятника неопровержимой аутентичности, содержащего все материалы по частям, дабы он не препятствовал своим формальным противостоянием порядку построения и не сотрясал его своей основой, отказывая построению в фундаментальной опоре. Сие пояснение, данное обычным способом, не достаточно. Нужно доказывать другим людям с большим трудом и старанием то, что я легко доказал самому себе. Дабы восстановить утраченный в течение двадцати четырех веков язык понадобилось создать его грамматику и корневой словарь, опереться в словесном переводе нескольких глав Сефера на множество понятий, почерпнутых из восточных языков, и в итоге увеличить двадцать страниц текста до объема двух томов инкварто, состоящих из толкований и доказательств.

И это еще не все: чтобы вынуть два данных тома из мрака моего портфеля, где бы они неминуемо оставались из-за недостатка средств покрыть значительные расходы по их публикации, необходимо было привлечь к ним внимание, что я не мог сделать сам, не попав в поле зрения в ту пору всемогущего Наполеона, определившего меня в качестве жертвы для глухого преследования. Но не менее тяжело, что я был вовсе лишен средств к существованию (2). Действительно, мои два тома были напечатаны позднее и, поистине, благодаря содействию разных обстоятельств, я могу рассматривать это событие, как провиденциальное.

Публикация моей книги по древнееврейскому языку не принесло мне тех облегчений, на которые я рассчитывал, чтобы продолжить осуществление моего замысла, по написанию истории земли, – кажется завершить его я лишен возможности, – напротив, я предался метафизическим и литературным дискуссиям, превратившимся и принесшим свой яд даже под сень моего домашнего очага.

Между тем, время шло, и потому еще в полном расцвете лет я тщетно пытался воплотить свое намерение, быть может, и непропорционально по отношению к своим физическим и нравственным силам. Должен ли я и впредь пытаться достичь своей цели сегодня, когда осень моей жизни оставляет ей всякий день иссякнувший огонь? Можно гипотетически в это верить. Но то, что я не смог сделать, другой, оказавшийся в более счастливых обстоятельствах, нежели я, наверняка, это сможет. Моя слава, если я смог достичь ее одну, наметит ему направление и устранил препятствия на пути. А своим переводом Сефера я ему предоставлю непоколебимый фундамент. Если я когда-то смогу завершить комментарий, я покажу, что космогония этого великого человека соответствует в сущности вещей со всеми священными космогониями, принятыми у народов. Я сделаю для Сефера то, что я сделал для *Золотых стихов Пифагора*, сверив которые я доказал, что философские и теософские идеи, в них содержащиеся, являлись теми же самыми во все времена и у всех людей, способных их воспринять. Прежде я указывал на происхождение поэзии, дав понять в чем ее сущность отличалась от ее формы, – так повелось в истории земли, ибо первые оракулы вещали в стихах и нет никакой ошибки в том, что поэзия называлась языком Богов.

Среди фрагментов, над которыми я работал, чтобы начать большой труд, о коем я говорил, мне казались наиболее достойными имеющие отношение к социальному состоянию человека и различным формам правления. Хоть я и не стремился к их опубликованию для снабжения полезными материалами тех, кто захочет предаться исследованиям, подобным моим, мне казалось, что неотвратимые обстоятельства, в которых мы находимся, не ими были predetermined. Все занимаются политикой, каждый мечтает об утопии, и я не вижу среди бесчисленных трудов, появляющихся по данной тематике, ни одного касающегося истинных принципов, – большинство из них далеко от прояснения великой тайны человеческого общества, узла, что его образует и законодательства, что его сопровождает. Напротив, они появляются, предназначенные укрыть тайну еще более плотными тенями. В общем, те, которые пишут на эту сложную тему, более заняты самими собой и своими собственными страстями, чем универсальностью вещей, коих совокупность от них ускользает. Они весьма ограничиваются своими взглядами и показывают со всей очевидностью, что ничего не знают в истории земли. Если они слышали римскую или греческую речь и читали анналы двух народов по Геродоту или Фукидиду, Титу Ливию или Тациту, они уже воображают, будто все им известно. Так, обманутые своими путеводителями, опьяненные своей собственной идеей они продолжают прокладывать тысячами способов ту же самую дорогу в зыбучих песках, они бесконечно оставляют новые шаги на стершихся следах и всегда заканчивают, заблудившись в пустыне или затерявшись в бездне. Я повторяю, что им не достает именно знания истинных принципов, что целиком зависит от знания универсальности вещей, – им всегда порождено первое или же последнее его непреодолимо порождает.

Я довольно долго рассуждал над этими принципами, надеясь в них проникнуть. Моим намерением было познать их, хоть занятие само по себе не из легких, поскольку принципы имели очень известное и распространенное имя, но требовалось еще много сделать, ведь данное имя обозначает истинную идею неизмеримой вещи, которую выражает. Так, недостаточно назвать эти принципы, чтобы составить о них некое весьма смутное представление, недостаточно их точнее определить, ибо всякое определение принципов неполно в самом себе, поскольку пытается определить неопределимое, придав границы тому, что их не имеет. Со всей необходимостью их стоит видеть в действии, дабы понять их, и искать различия между

ними в их следствиях, потому что абсолютно невозможно их охватить в своей причине. Эти соображения, как, впрочем, и другие, которые легко будут проявляться по ходу моего труда, поначалу определили мне оставить в стороне дидактическую или догматическую форму, взяв за основу историческую форму, для того чтобы в процессе повествования иметь возможность привести в действие многие вещи, развитие которых, в противном случае, от меня было бы скрыто, или увлекло бы меня в нескончаемые длинноты.

Эта историческая форма, которую я принципиально принял, мне принесла многие преимущества: она мне позволила не только часто выдвигать на первый план и персонифицировать политические принципы, чтобы в них более чутко ощущать действие, но и дала место вкратце представить своеобразную картину истории земли в соотношении с политикой, таком соотношении, как я его воспринял и наметил с целью ввести в качестве составной части в общую картину, которой я занимался. Я осмеливаюсь себе льстить, что любопытный читатель, поднявшись от следствий к причинам и познав предыдущий ход событий, простит мне довольно известные детали, на которых я вынужден остановиться, обратив внимание на мало известные или вовсе неизвестные вещи, рассматриваемые впервые. Я надеюсь также, что он мне позволит в трансцендентальном порыве некоторые необходимые гипотезы, сделанные мной в отношении возникновения человеческих обществ. Несомненно, он не потребует у меня исторических доказательств для эпохи, когда не существовало истории, и удовлетворится моральными и физическими доказательствами, которые я ему приведу, доказательствами, полученными с помощью рациональных дедукций или этимологических аналогий. Ему будет достаточно увидеть: когда появятся исторические доказательства, то они никоим образом не будут противоречить этим первоначальным гипотезам, которые их поддерживают, и, напротив, исторические доказательства будут поддерживать гипотезы.

Чтобы завершить это вступление, мне остается сказать не более слова, хотя оно, быть может, наиболее важное. Мы поддержим ЧЕЛОВЕКА, пусть это существо нам еще неизвестно ни в своем происхождении, ни в своих свойствах, ни в иерархическом ряду, который он занимает во вселенной. Знать человека в его происхождении, то есть в его онтологическом принципе в данный момент для нас бесполезно, ибо мы не нуждаемся в знании того, что было по ту сторону настоящего порядка вещей. Сию заботу мы можем предоставить космогонии, подобно тому, как она уже изучает происхождение земли, космогонии, часть которой, собственно говоря, составляет онтология. Только в писаниях Моисея и других писателей-иерографов мы сможем познать вещи. Но мы не можем освободить от вопроса антропологическую науку, если она существует, или создать ее, если она не существует, чтобы познать что и в чем есть человек, каковы его моральные и физические свойства, как он скроен телесно и интеллектуально. Таким же образом мы спросили бы геологическую и географическую науку, если бы желали заняться внутренними и внешними формами земли. Я полагаю, что две последние науки известны моим читателям, по меньшей мере в общих чертах, и что о телесном человеке имеется столько позитивных знаний, которые ему необходимы для чтения всеобщей истории, так вульгарно изложенной. Обсуждая социальное состояние человека и политико-философскую историю человеческого рода, не вторя тому, что находится повсюду, но желая, напротив, представить новые вещи и подняться до мало изведанных высот, в своем замысле я вынужден сначала обратиться к познанию интеллектуального и метафизического строения человека, таковым, каким я его воспринял, дабы я смог себя понять, когда заговорю о последующем развитии его моральных свойств и их воздействий.

Параграф II

Почему знание человека необходимо законодателю. В чем заключается это знание

Я настоятельно прошу здесь более или менее внимания, что обычно не в традиции вступительных статей, поскольку не касается духовной подготовки для восприятия подобных идей, дабы, прежде чем воспринять, их лучше уразуметь.

Ибо от человека и для человека трудились политические писатели и законодатели, и очевидно, что первым и наиболее необходимым объектом знания для них должен быть Человек. Однако большая часть из них не владела данным знанием, да и не могла его обрести, а когда искала, то зачастую была неспособна его найти. Они воспринимали человека таким, как его представляли естествоиспытатели и физики в соответствии с более антропологической, нежели антропологической наукой, а именно животным, составляющим часть животного мира, отличающимся от животных разумным началом, которое Бог, или скорее Природа, украшенная этим именем, ему дала так же, как дала оперение птицам, а шубу медведям. В связи с чем, человека можно было обозначить *разумным животным*. Но ввиду того, что это разумное начало, следуя наиболее глубокомысленным физиологам, не являлось чуждым определенным видам животных, например, собакам, лошадям, слонам и пр., а попугаи могли изучать сам язык и использовать слово для выражения разумных мыслей, иногда отвечая на вопросы, иногда сами задавая их, о чем сообщает Локк; делался вывод из этого наблюдения, что человек владеет данным началом лишь по отношению к другим животным, а своим случайным превосходством он обязан гибкости своих членов, совершенству своих органов, позволивших ему полностью развиться. К примеру, все достижения науки и искусства приписывались форме человеческой руки и без боязни внушалось, что лошадь смогла бы стать равной Архимеду, как геометру, или Тимофею, как музыканту, обладай она от природы тоже гибкими членами и прекрасно сложенными пальцами. Предрассудок на сей счет так глубоко укоренился, что один из современных историков осмелился признать, что не видит реального отличия животного от человека, кроме отличия в одеждах; другой еще более знаменитый писатель, рассматривая превосходство разума, которое человек порой проявляет в качестве лживого блеска, ослабляющего силу его инстинкта, расстраивающего его здоровье и тревожащего его покой, тогда как, в действительности, он, быть может, болен и расстроен самим собой, подтвердил следующее: если природа судила нам быть здоровыми, то мыслящий человек – испорченное животное.

Итак, если только размышляя, человек извращается, то, что с ним творится в более здравом смысле, если он созерцает, восхищается, или особенно если преклоняется!

Когда, приведя подобные послы, думаешь о социальном Государстве, видя в человеке лишь более или менее совершенное животное, и выступаешь в качестве законодателя, то будешь по меньшей мере непоследовательным, если не сможешь предложить только законы инстинкта. Их следствия приведут человеческий род к жестокому и дикому естеству, рассудок которого будет устранен. Хорошо видно, как другие писатели, соединив наиболее великую экзальтацию идей с самим неведением принципов и ужаснувшись от последствий, куда увлекают их эти печальные наставники, бросились со всей силы в противоположную сторону, перепрыгнув через золотую середину, рекомендованную мудрецами. Здесь сделали из человека чистое животное, там из него творят чистый разум. Одни опираются на наиболее физиологические потребности человека, другие помещают его во главу духовных упований, и пока первые заключают его в материальный круг, из которого должны быть изгнаны все способности его существа, другие, теряясь в туманных абстракциях, его кидают в безграничную сферу, при виде которой его ужаснувшееся воображение пятится назад.

Нет, человек не является ни животным, ни чистым разумом. Он – срединное существо, помещенное между материей и духом, чтобы для них служить связью. Определения, которые ему пытаются дать, грешат ошибками и чрезмерностями. Назвать человека разумным животным – значит сказать недостаточно, но обозначить его в качестве разума, обслуживаемого органами – значит сказать достаточно. Человек, восприняв физические формы, наподобие животного, более чем разумен, он еще рассудочен и свободен. Соглашаясь с тем, что представляет собой мышление в чисто духовной части, неправильным было бы признать, что этот разум всегда обслуживается органами, очевидно независимыми от него, часто увлекаемыми слепыми побуждениями и производящими действия, что дезавуируют его. Если бы я обратился к самому себе с вопросом об определении человека, то я бы сказал, что это – телесное существо, возвышенное до интеллектуальной жизни, способное к восприятию восхищения и преклонения, или точнее – интеллектуальное существо порабощенное своими органами, восприимчивыми к деградации. Но имеющиеся определения будут всегда весьма плохо представлять это сложное существо, – лучше постараться его узнать.

Сейчас обратимся с вопросом к священным архивам человеческого рода.

Философы, естествоиспытатели или физики, включившие человека в категорию животных, совершили большую ошибку. Обманутые своими поверхностными наблюдениями и легкомысленными экспериментами, они пренебрегли посоветоваться с голосом столетий и традициями всех народов. Если бы они открыли священные книги наиболее древних наций мира, книги китайцев, индусов, евреев или парсов, то они бы увидели, что животное царство целиком существовало до существования человека. Когда человек появился на вселенской сцене, он образовал из себя одного четвертое царство – *Человеческое*. Это царство было названо *Пан-Ку* китайцами, *Пуру* браминами, *Кай-Омордз* или *Месшиа (Meschia)* приверженцами Зороастра, и *Адамом* евреями и всеми народами, принявшими Сефер Моисея, будь они христианами, что связаны между собой Евангелием, будь они мусульманами, что восходят к Корану и Евангелию. Я хорошо знаю, что те толкователи этих книг, которые останавливаются на буквальных и вульгарных формах, остаются чуждыми способу изложения древних и до сих пор считают *Пан-Ку*, *Пуру*, *Кай-Омордза* или *Адама* за одного человека, первого индивида своего рода; но я достаточно доказал в моем переводе Космогонии Моисея, содержащейся в десяти первых главах Сефера, что в Адаме нужно понимать не человека, в частности, но Человека, в общем, Универсального Человека, в целостности Род человеческий и, наконец, *Человеческое царство*. Если обстоятельства мне позволят однажды дать обещанный мной комментарий этой Космогонии, я докажу таким же способом, что первый человек китайцев, индусов или парсов, – *Пан-Ку*, *Пуру* или *Кай-Омордз*, – должен стать всеобъемлющим (universalise) и восприниматься не как один человек, но как собрание всех людей, которые входили, входят или войдут в состав того великого, что я называю *Человеческим царством*.

Несмотря на многочисленные доказательства, данные в поддержку моего перевода, доказательства, которые никто еще не осмелился серьезно подвергнуть сомнению на протяжении пяти лет, с тех пор как они высказаны и известны, скажу, что хотелось бы считать Адама и различных космогонических существ, соответствующих ему, за одного человека-индивида, и он будет всегда оставаться таковым, ведь все книги согласны в различии данных существ от животного царства, хоть и относят появление их к разному времени, полагая в них объект специального творения. Одно это мне вполне позволяет не смешивать человека с животными и не включать его с ними в одну категорию, но, напротив, определить человеческому роду высшее царство, что я и определил.

Впрочем, если спросить о том наиболее осведомленных геологов, проникших далеко вперед на поприще материального познания нашей планеты, они вам скажут, что, достигнув глубины, не обнаруживается ни одного признака, ни одного повреждения, свидетельствующего о присутствии человека в первоначальные времена бытия мира, хотя останки скелетов животных

встречаются в изобилии. И это совершенно соответствует священным традициям, о которых я говорил (3).

Я уже имел возможность говорить о Человеке в своих Исследованиях (Examens) *Золотых стихов* Пифагора, собрав как в связку (faisceau) священные традиции, сохраненные в древних мистериях, мысли наиболее замечательных теософов и философов, чтобы сформировать о человеке все, что могло бы нам прояснить внутреннюю природу этого существа, столь важного и трудного в постижении, не принадлежащего ни простому материальному или духовному естеству, ни вместе с тем двойному материальному и духовному естеству, но, как я уже показал в вышеупомянутом труде, относящегося к троичному естеству, соединяющему его самого с четверичной силой, образующей его. Я воспроизведу сейчас итог моих предшествующих занятий и сопоставлю их с мыслями, рассеянными в других местах, добавив к сему некоторые выводы, внушенные с тех пор мне размышлением и опытом. Выдвинем сначала некоторые общие идеи.

Ко времени, когда Человек появился на земле, три царства, образующие на ней совокупность, уже существовали и ее поделили.

Минеральное, растительное и животное царства были объектами трех последовательных творений, трех проявлений или трех развитий; Человек, а скорее Человеческое царство стало четвертым. Промежуток, отделявший эти различные проявления, отмерен в Сефере Моисея словом, выражающим *феноменальную манифестацию*; таким образом, придав ему смысл более ограниченный можно обозначить его *днем*, хоть данный смысл очевидно вынужденный и нельзя отказываться видеть в нем период безграничного времени, всегда относящийся к существу, к которому он применим. У наций, упомянутых мной, у которых разнообразное развитие естества выражено почти как в Сефере у Моисея, этот период обычно измеряется продолжительностью великого года или его делений, равносильного астрономической революции, называемой сегодня прецессией равноденствий, что можно понимать, как 9, 18, 27 или 36 тысяч наших обычных лет. Но какой бы ни была временная протяженность этого периода, наименованного Моисеем проявлением, безмерностью, морем или днем, дело здесь не в том: в соответствии со всеми космогониями решена важная проблема о том, что Человек никогда не входил в животное царство. Напротив, это царство, а равно и два других более низших, растительное и минеральное, входили в его и ему были полностью подчинены.

Человек, предназначенный быть узлом, соединяющим Божество с материей, явился, по выражению одного современного естествоиспытателя, связующим звеном для всех существ. Помещенный в пределы двух миров, он стал на путь телесных наслаждений и умаления в божественном духе. Сущность, выработанная тремя царствами природы соединилась в нем в силе воли, свободной в своем развитии, которая его сделала живым образом вселенной и подобием самого Бога. БОГ есть центр и пространство всего сущего: Человек в подражании Богу есть центр и пространство своей сферы, на которой он обитает; он существует лишь сам один в своей сфере, составленной из четырех сущностей. А еще он тот, кого Пифагор назвал в своем таинственном катернере:

.... Беспредельный и чистый символ, Источник природы и слепок Богов.

Познание всех вещей сопряжено в Человеке; знание безграничности и вечности в его духе. Поистине, плотная тьма его часто скрывает, а вместе с ней рассудительность и привычка; но достаточно прилежного упражнения его способностей, чтобы обратить эту тьму в свет, сделав его владельцем сокровищ. Ничего не может сопротивляться его силе воли, когда его воля, взволнованная божественной любовью, началом всякой добродетели, действует согласно с Провидением. Но не забегая вперед и не связываясь с идеями, которые сами лучше найдут себе другое место, продолжим наши изыскания.

Параграф III

Интеллектуальное и метафизическое строение человека

Человек, как я уже говорил, принадлежит к троичному естеству, следовательно, он может жить троичной жизнью – инстинктивной, душевной и интеллектуальной. Эти три жизни, когда они развиты, претворяются в четвертой собственной волевой жизни этого восхитительного существа, бессмертный источник которого в жизни и воле Божией. Каждая из данных жизней имеет свой частный центр и свою надлежащую сферу.

Я постараюсь отразить в сознании читателя метафизический вид интеллектуального строения человека. Но я должен его предупредить: ему не нужно понимать в материальном плане все, что я ему скажу на сей счет. Хотя я был вынужден, чтобы сделать понятным себя, применять термины, напоминающие физические объекты, такие как центр, сфера, окружность (пространство), луч и т. д. Нельзя подозревать ничего телесного, в особенности же ничего механического в этих вещах. Слова, используемые мной, должны пониматься исключительно духовно, абстрагируясь от всякой материи.

Итак, человек, обозначенный духовно, в отсутствии телесных органов, может восприниматься в форме светящейся сферы, в которой три центральных средоточия дают рождения трем различным сферам, охваченным окружностью главной сферы. Каждый из этих трех средоточий (очагов) излучает одну из трех жизней, о которых я говорил. К низшему средоточию относится инстинктивная жизнь, к среднему – душевная, и к высшему – интеллектуальная. Между данными тремя центрами можно рассматривать душевный центр в качестве фундаментальной точки опоры, первоначальный двигатель, на котором основывается и движется всякое строение человеческого духовного существа. Этот центр, развертывая свою окружность, достигает двух других центров, соединяя в себе самом противостоящие точки двух развертывающихся окружностей: таким образом, жизненные сферы, движась одна в другой, сообщают друг другу свои различные естества и оказывают друг на друга взаимное влияние.

Как только первоначальное движение в силе передалось человеческому существу, оно стало действовать вследствие своего естества, предопределенного, таким образом, Первопричиной всех существ, – инстинктивный очаг увлекает и развивает элементы *тела*, душевный очаг творит *душу*, а интеллектуальный вырабатывает *дух*. Итак, человек образуется из тела, души и духа. Телу принадлежат *потребности*, душе – *страсти*, духу – *вдохновения*.

По мере того, как каждый очаг увеличивается и излучается, он развертывает окружность, которая, делясь в своем собственном луче, представляет шесть светящихся точек – всякая из них проявляется в свойстве, то есть частном способе действия в соответствии с жизнью сферы, душевной, инстинктивной или интеллектуальной.

Дабы избежать путаницы, мы назовем для каждой окружности лишь три из ее свойств, что нам в итоге даст девять, а именно: для инстинктивной сферы: *ощущение*, *инстинкт* и *здравый смысл*; для душевной сферы: *чувство*, *понимание*, *рассудок*; для интеллектуальной сферы: *согласие*, *разум*, *проницательность*. Происхождение всяких свойств берет начало в инстинктивной сфере, где они были порождены и где восприняли все свои первичные свойства. Две других сферы развиваются вслед за первой, приобретая вторично, благодаря трансформации, свои относительные свойства; то есть, когда инстинктивная сфера полностью развилась, то принесла точкой своей окружности *ощущение*, например, в центр душевной сферы, который от этого был поколеблен. Душевная сфера развертывается, овладевая вышеуказанным свойством, двигающим ее, и трансформирует ощущение в *чувство*, уносимое, когда для этого созревают все условия, тем же способом в интеллектуальный центр. Чувство, охваченное в свою очередь им, трансформируется в *согласие* (*соответствие*). Подобно тому и *инстинкт*, идя из инстинктивной сферы в душевную, трансформируется в *понимание*., а понимание становится

разумом, благодаря своему проникновению из последней сферы в сферу интеллектуальную. Такая трансформация имеет место и у всех других свойств этого рода, какое число бы они не составляли.

Но эта трансформация, совершаемая по отношению к свойствам из рода ощущений, которые я обозначаю круговыми и, следовательно, внешними привязанностями, осуществляется и в отношении потребностей, как внутренних и центральных привязанностей. Таким же образом потребность, переносимая из инстинктивного в душевный центр, становится или может стать страстью, которая, перейдя из душевного в интеллектуальный центр, может принять в нем характер вдохновения и воздействовать на страсть, как страсть воздействует на потребность.

Теперь отметим, что всякая круговая привязанность рода ощущения возбуждает более или менее сильное движение в инстинктивном центре и в нем проявляется мгновенно в качестве *радости* или *расстройства*, в зависимости от того, какое это движение – приятное или неприятное, берущее свое начало в физическом *дobre* или *зле*. Напряженность радости или расстройства зависит от интенсивности возбужденного движения и от его естества. Если движение, радостное или неприятное, имеет определенную силу, оно может породить два неизбежных последствия – *привлекательность*, которая его притянет, или *страх*, который его оттолкнет; если же оно слабое и сомнительное, то произведет *безразличие*.

Подобно тому, как инстинктивный центр воспринимает в ощущении физическое добро или зло, называемые *радостью* или *расстройством*, душевный центр развивает посредством чувства моральные добро и зло, именуемые *любовью* или *ненавистью*, а интеллектуальный центр представляет собой интеллектуальные добро и зло под именами *истины* или *заблуждения*. Но эти неизбежные последствия привлекательности или страха, связанные с инстинктивным ощущением и возбуждающие радость или расстройство, живут не долее ощущения и исчезают вместе с ним; тогда как в душевной сфере чувство, порождающее любовь или ненависть, равномерно влечет за собой два последствия – *желание* или *ужас*, которым далеко до исчезновения вместе с самим чувством, произведшим их, а посему они, наоборот, длятся еще продолжительное время после самого чувства и, принимая характер страстей, вызывают или отталкивают породившую их причину. Здесь заключено значительное различие инстинктивной жизни от душевной, и внимательный читатель должен это отметить и поразмыслить над этим. Инстинктивные ощущения все актуальны, а их последствия мгновенны; но душевные чувства продолжительны, независимо от физического движения, их произведшего. Что касается интеллектуальных согласий (соответствий), подтверждающих истину или заблуждение, то они не только продолжительны, как чувства, но еще и преходящи.

Что до *безразличия*, возбуждающего слабое и сомнительное движение, то оно трансформируется в *апатию* в моральном чувстве и вид *безучастности* (*indifference*) в интеллектуальном соответствии, где смешиваются истина с заблуждением, оставляя беспечность по отношению к одному и другому. Это состояние является обычным в детстве человека, как и на заре царства оно господствует в юных обществах (4).

Это тройственное существование человека, несмотря на то, что кажется уже вполне сложным по причине многочисленных непрерывно появляющихся по отношению друг к другу действий и реакций, инстинктивных потребностей, душевных страстей и интеллектуальных вдохновений, будет еще весьма простым, если не представить необходимого существа и не отметить четвертую жизнь, включающую в себя три других и дающую человеку свободу, которую бы он не имел без нее.

Удвоим здесь наше внимание, ибо данная тема важна и трудна.

Над самым центром душевной сферы, перводвигателя человеческого духовного существа, восходит другой центр, неотделимый от первого, окружность которого, разворачиваясь, достигает крайних точек инстинктивной и интеллектуальной сфер и равномерно их охваты-

вает. Эта четвертая сфера, внутри которой движутся три сферы инстинкта, души и духа по своим местам и в соответствии со способом, что я постарался описать, есть сфера действительного волевого могущества, сущность которой исходит от Божества. Данная сфера нерушима и неотразима, как само Божество. Эта сфера, жизнь которой непрерывно излучается от центра к окружности, может простираться или сжиматься в эфирном пространстве вплоть до границ, кои можно назвать беспредельными, если бы Бог не являлся единым бесконечным существом. Вот какова светящаяся сфера, о которой я говорил в начале этой статьи.

Когда эта сфера достаточно развита, ее окружность, предопределенная протяженностью ее луча, принимает большое количество свойств; одни из них первоначальные (*primordiales*), другие – вторичные, слабые вначале, но усиливающиеся постепенно, по мере того, как производящий их луч обретает силу и величие. Среди этих свойств мы назовем только двенадцать: шесть первоначальных и шесть вторичных, начав с низших и закончив наиболее возвышенными.

Данные двенадцать свойств суть: *внимание* и *восприятие*, *размышление* и *повторение*, *сравнение* и *суждение*, *удержание* (*retention*) и *память*, *распознавание* и *понятийность* (*понимание*, *comprehension*), *представление* (*imagination*) и *творчество* (*creation*).

Сила воли несет повсюду с собой и в места, куда ей заблагорассудится, эти свойства, а именно – в сферы инстинктивную, душевную и интеллектуальную, потому что эта сила там, где ей хочется пребывать. Господство воли – в троичной жизни, о которой я писал, и она использует ее по своему усмотрению. Без нее она вряд ли смогла бы испытать свою свободу, о чем я скажу по ходу книги.

Подобно тому, как ощущение, чувство, соответствие (согласие) проявляются в одной из трех присущих им жизнях, сила воли проявляется в *восприятии* посредством *внимания*, данного восприятию, и, пользуясь своим свойством вызывать в себе *повторение*, даже в отсутствии его причины, она исследует свойства размышлением. *Сравнение*, которое она делает в соответствии с образом того, что она одобряет или не одобряет, предопределяет ее *суждение*. Потом она создает свою память, благодаря удерживанию собственной работы, и приходит к *распознаванию* и, следовательно, к *пониманию*. Наконец собравшись, она сближает *представлением* рассеянные идеи и достигает *сотворения* своей мысли. Как видно, по ошибке смешивают в вульгарном языке *идею* с *мыслью*. Идея есть простое следствие ощущения, чувства или соответствия, в то время как мысль – составное (*compose*) следствие, результат, порой, громадный. Иметь идеи значит чувствовать, а иметь мысли значит действовать.

Последовательно описанная мной операция выполняется таким же способом по отношению к потребностям, страстям и вдохновениям, но в последнем случае работа силы воли совершается в центре, в то время как в первом случае она осуществлялась по окружности. Именно здесь эта величественная сила раскрывается во всей своей мощи, становясь образом вселенной и заслужив имя микрокосма, данное ей некогда в древности.

Подобно тому, как инстинктивная сфера действует *потребностью*, душевная *страстью*, а интеллектуальная *вдохновением*, волевая сфера действует посредством *предопределения* (*установления*) и отсюда зависит свобода человека, его сила и проявление его небесного происхождения. Нет ничего проще этого действия, которое философы и моралисты столь трудно объясняли. Я постараюсь сделать его понятным.

Присутствие потребности, страсти и вдохновения возбуждает в сфере, произведшей их, круговое (вращательное) движение в соответствии с интенсивностью одного или другого: это движение называется обычно называется *аппетитом* или *влечением* (*appetence*) в инстинкте, *эмоцией* или *согласием* в душе и в духе; часто эти термины подменяются одни другими и варьируются посредством синонимов, смысл которых более или менее выражает силу в движении. Колеблющаяся в свойствах сила воли имеет три установления, в коих использовании она свободна: во-первых, она подчиняется движению и ее сфера вращается в ту же сторону, что и воз-

бужденная сфера; во-вторых, она, сопротивляясь ей, вращается в противоположную сторону; в-третьих, она пребывает в покое. В первом случае она, оставаясь принужденной инстинктом, увлеченной душой и взволнованной духом, попустительствует потребности, страсти или вдохновению; во втором – она их поражает и умервщляет их движение своим; в третьем – она зависает в согласии или отрицании и изучает, что ей лучше делать. Каким бы ни было ее установление, ее действенная воля, свободно проявляющаяся, находит средства служить своим разнообразным влечениям, бороться с ними или размышлять над их причинами, формами и последствиями. Эти средства очень многочисленны и находятся в постоянном излучении от центра к окружности и от окружности к центру. Я здесь доведу до сведения о тех из них, что особенно связаны с двенадцатью вышеназванными мной свойствами.

Внимание и восприятие действуют через *индивидуализацию* и *счисление (numeration)*.

Размышление и повторение через *расчленение* и *анализ*.

Сравнение и суждение через *аналогию* и *синтез*.

Удержание и память через *метод* и *категорию*.

Распознавание и понимание через *индукцию* и *дедукцию*.

Представление и творчество через *абстракцию* и *обобщение*.

Применение этих средств и многих других, которых будет очень долго называть, именуется *медитацией*. Медитация образует силу воли, которая ее применяет. Согласие с этой волей или сопротивление ей, в зависимости от использования их во благо или во зло, в зависимости от того, синхронны ли они или долгое время враждуют, делают человека сильным или слабым существом, возвышенным или презренным, мудрым или невеждой, добродетельным или порочным: противостояния, противоречия, бури всех видов, вздымающиеся в его груди, имеют причинами только движения трех жизненных сфер – инстинктивной, душевной и интеллектуальной, часто враждующих между собой и еще чаще противоречащих движению, регулирующему волевою силу, которое отказывает в своем установочном соединении или дает его лишь после жестокой борьбы.

Когда волевые установления воздействуют на объекты посредством ощущения, чувства и соответствия, согласие или неприятие одновременно последуют за инстинктивным побуждением, рассудком или мышлением. Когда же они предшествуют медитации, то обретают характер здравого смысла, разума или пронизательности и суть так называемые их принадлежности, а она сама – существо их собственного творчества.

Быстро изобразив таблицу интеллектуальной и метафизической конституции человека, думаю, я уже не имею нужды говорить о том, что дано в наброске и что потребует со стороны того, кто захочет охватить это в целостности, большую силу внимания и повторных упражнений. Благо я хотел, чтобы мои читатели избежали такого затруднения и, если думают, быть может, что я достигну, погружаясь в себя самого, более чем подробностей, ошибаются; я лишь удлиню свое описание и в итоге уменьшу его ясность. Я сказал все то, что было существенно; я приложил все свои усилия, чтобы хорошо различить множества. Что же касается подробностей, то их, как можно, необходимо избегать в теме, где их бесконечно много, а это – точно наш случай. Впрочем, по ходу повествования, представляются многие возможности применить и развить выдвинутые мной принципы. Все, что остается мне сделать в данный момент – это предупредить о некоторых трудностях, которые могут встретиться в их применении.

Человек никогда не анализировался так точно, как я его проанализировал в целостности, и его метафизическая анатомия никогда не была так четко представлена. Во всем традиционно привыкли видеть одну из его частей и называть *душой*, собственно говоря, не только душу, но еще три жизненных сферы и саму волевою сферу, их охватывающую. С другой стороны, радуются именовать эту совокупность *духом* в противоположность телу, а затем еще *разумом (intelligence)* в противоположность инстинкту. Недавно обозначали одним *рассудком (entendement)* сумму всех свойств, а *интеллектом (raison)* – вселенский истинный или ложный

порядок всех установлений воли. Но это терминологическое заблуждение не является опасным, если его уточнить. То, что принято по привычке можно оставить для удобства дискурсов и дабы избежать длиннот затруднительных оборотов речи, но нужно иметь бдительность и не делать это по неведению. Если же хочется познать человека в нем самом, нужно его обозначить, каким я его изобразил на таблице, ибо он таков и есть.

Когда я сказал, тем не менее, что человек таковой, то это не должно пониматься, как Человек в общем, абстрактно обозначенный в возможности своей сущности. Индивидуальный человек очень редко развивается во всех своих ментальных модификациях даже сегодня, когда человеческое царство обладает великой силой в природе. На заре своего господства масса человечества была далека от того, что она представляет в настоящем; инстинктивная жизнь была преобладающей, душевная бросала слабые отблески, а интеллектуальная существовала еще в зародыше. Таким видишь родившегося ребенка с еще неокрепшими органами, лишеного большей части физических чувств, без малейшего намека на замечательные свойства, которые должны однажды появиться и, постепенно развившись, передать силы, обрести слух и зрение, что ему недоставали, вырасти, познать свои потребности, проявить свои пристрастия, доказать свою разумность, обучиться, просветиться, став, наконец, совершенным человеком, благодаря применению своей воли; так можно рассматривать человеческое царство, проходящего все периоды детства, отрочества, юности и зрелости. Большая нация состоит, в частности, из отдельных людей, подобно тому как человеческое царство состоит, в общем, из больших наций. Кто знает, например, как проходили свой жизненный путь люди у народов Ассирии и Египта, на протяжении долгого существования этих двух народов, начиная от очень блеклой зари жизни и до крайнего своего упадка? И кто знает, как подобным им народам предназначено еще блистать и угасать на мировой сцене, прежде чем универсальный Человек придет к своей ветхости?

Изобразив метафизическую таблицу, которую видели, я рассмотрел человека в наибольшем развитии, что он мог бы достичь сегодня. Само данное развитие не принадлежит всем людям, ни даже большей части из них, оно является достоянием лишь малого числа. Природа не делает людей равными; души различаются между собой еще больше, нежели тела. Я уже изложил эту великую истину в моем Исследовании *Золотых стихов* Пифагора, показав, что таковой была доктрина мистерий и мысль всех мудрецов древности. Равенство, несомненно, заключено в волевой сущности всего, поскольку эта сущность божественна, но неравенство пронизывает свойства через разнообразие их применения и различия исполнения; время ведь не отмерено в равной степени как для одних, так и для других; положения изменялись и пути жизни то укорачивались, то удлинялись. И хотя вполне достоверно, что все люди, исшедшие из одного принципа, должны достигнуть своей цели, много еще и даже большее число из них очень далеки от нее; кто-то из них ее достигает, другие пребывают вблизи нее, а многие, обязанные вновь начинать свое жизненное поприще, лишь удаляются в небытие, которым могли бы быть поглощены, если бы вечность их существования не обеспечивалась вечностью ее творца.

Таким образом, душевное равенство в актуальности вещей есть еще большая химера, нежели равенство инстинктивных сил тела. Неравенство повсюду, а умственное еще более, чем все остальное, поскольку среди живущих людей, в особенности же среди тех, кого не испортила цивилизация, имеется огромное количество, у которых интеллектуальный центр не встал еще на путь развития. Относительно политического неравенства и что нужно о нем думать, мы рассмотрим дальше по ходу нашего труда.

Параграф IV

Человек – одна из трех великих сил Вселенной: каковы две другие силы

ИЗБЕЖИМ ошибки, совершенной почти всеми философами, особенно в нынешнее время, и поразмыслим о том, что если смешно описать человека, не зная его, то также смешно и пошло указывать ему дорогу, не будучи в совершенстве осведомленным о месте, откуда он исшел, куда идет, и о цели его путешествия. Исследуем хорошенько его положение и тщательно изучим, поскольку он сам представляет собой силу, каковы высшие или низшие силы, с которыми он должен находится в контакте.

Все священные своды наций констатируют, что универсальный Человек являлся силой; это ощущалось всеми мудрецами и признавалось всеми настоящими учеными. Я читал в недавно напечатанном *Словаре естественной истории*, следующие замечательные фразы: «Человек владеет сущностью организаторской силы; именно в его мозгу завершается разум, ведавший образованием вещей... Он явился посланником и толкователем божественной воли для всего, что дышит... Ему был доверен скипетр земли». Около пятнадцати веков до нашей эры Моисей вложил в уста Божества эти слова, обращенные к человеку: «Плодитесь и размножайтесь и наполните пространство земное. Что за ослепительное сияние, что за ужасающий гром, который вас окружит и поразит почтением к вам весь животный мир, начиная от птиц в небесах до рептилий, воспринявших первоначальное движение от адамического элемента, до рыб морских; под ваше начало все они положены». Но задолго до Моисея законодатель китайцев выразился собственными определениями и без словесных фигур о том, что Человек – один из трех сил, которые правят вселенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.